

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ
„ИЗВѢСТІЯ
Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Сѣвера“.

1914 г. № 4-й. 15 Февраля.

Норвежскіе рыбные промыслы.

Мнѣ пришлось довольно долгое время пробить въ Сѣверной Норвегии, чѣмъ я воспользовался, чтобъ познакомиться съ жизнью трудолюбивыхъ норвежцевъ. У насъ много говорятъ о Сѣверѣ Россіи, интересуются Мурманомъ и хотятъ, очевидно, серьезно улучшить наше бѣдно стоящее рыболовство на Мурманѣ. Въ этой статьѣ я хочу кратко познакомить читателей съ мѣрами и условіями норвежскаго рыболовства.

Норвежскіе промысловые бота строятся преимущественно въ Тромсо, Харста и Ранъ, а также во всѣхъ становищахъ Норвегии, гдѣ только можно получить строительный матеріалъ. Главными же мѣстами являются три названныхъ выше города, гдѣ подъ руками имѣются верфи, готовый строительный матеріалъ и опытные строители.

Самый корпусъ бота гладкой постройки, т. е. доска пригнана къ доскѣ ровно краемъ (существуютъ и шитые боты, которые по прочности уступаютъ первымъ), считая бруттовую вместимость въ среднемъ 10 рег. тон., стоитъ между 1200 и 1500 руб. изъ обыкновеннаго матеріала съ необходимыми вещами къ боту, какъ—такелажъ и паруса.

Къ такимъ ботамъ ставятся моторные двигатели различныхъ системъ, большей частью системы Болиндера и Данъ. Моторный двигатель въ 10—12 лощ. силъ стоитъ около 2500—3000 руб., такой же въ 5 лощ. силъ—около 1300 руб.

На ботахъ держатъ 5 человекъ экипажа; въ томъ случаѣ, если на моторѣ есть моторный шпиль, то только 4 человека.

Что касается способа распредѣленія заработка бота, то его можно считать наиболее практичнымъ: самый боть получаетъ $\frac{2}{3}$ стоимости добычи. Шкиперу присчитывается $\frac{1}{10}$ часть оставшейся суммы. Напримѣръ, если наловленная рыба по сдачѣ одѣшлась въ 1500 кронъ, то боту $\frac{2}{3}$ —600 кр.— $\frac{1}{10}$ часть шкиперу изъ остатка—9 кронъ и уже остатокъ дѣлится поровну между всѣми промышленниками на боть. Если въ числѣ ихъ нанятъ юнга (молодой парень), то ему идетъ половина пая. т. к. онъ считается полувзрослымъ. Определеннаго мѣсячнаго жалованія промышленники не получаютъ, при чемъ надо замѣтить, что команда бота должна имѣть свои спаси и нести пропорціонально расходы по покушкѣ наживки.

Наживка—родъ мелкой рыбы для ловли трески и другихъ круннхъ породъ—насаживается на крючекъ. Какъ только наживка появится гдѣ-нибудь, то рыболовный надзиратель, или досмотрщикъ надъ промыслами, немедленно телеграфируетъ подробно губернатору, который въ свою очередь выбираетъ экстрактъ изъ всѣхъ донесеній досмотрщиковъ его края и тотчасъ же телеграфируетъ во всѣ становища и города Норвегии, что перепечатывается газетами, давая, такимъ образомъ, читателю ясное понятіе о рыбной ловлѣ во всей Норвегии. Тамъ, кто бывалъ въ финмаркепскихъ становищахъ и городахъ, напр., въ Вардѣ лѣтомъ, навѣрное бросалась въ глаза толпа народа у телеграфа. Это промышленники, читающіе рыбопромышленные телеграммы. Въ этихъ донесеніяхъ значится: каковъ ходъ наживки, гдѣ она и цѣна. Для развозки наживки существуютъ спеціальныя наживочныя пароходы, обладающіе въ среднемъ ходомъ 12 узловъ (узелъ= $1\frac{3}{4}$ версты) въ часъ. Владѣльцы ихъ—частныя лица. Команда на нихъ получаетъ опредѣленное мѣсячное вознагражденіе. Для ловли наживки также строятся спеціальныя парусныя суда, которыя посылаются въ тѣ мѣста, гдѣ наживка чаще встрѣчается. Узнать по телеграфу, что наживка появилась въ какомъ-нибудь фіордѣ, парусныя суда буксируются туда. На этихъ судахъ есть спеціальныя сѣти для ловли наживки. Или запираютъ устье фіорда съ наживкой, и на мелкихъ лодкахъ уже „черпаютъ“ саками наживку. Немедля дается знать наживочнымъ пароходамъ, которые слѣдуетъ придти возможно скорѣй.

Набравъ наживку, отъ своихъагентовъ, живущихъ въ становищахъ, они даютъ имъ въ свою очередь свои свѣдѣнія, сколько наживки на борту имѣется, сколько наживки требуется, и каковъ спросъ. Иногда бываетъ, что пароходъ съ наживкой еще не пришелъ, а уже наживка продана заранѣе агентомъ на мѣстѣ. Промышленники, прѣзжающіе на пароходъ за наживкой, должны имѣть свои пустые ящики для обмѣна, чтобы не терять времени.

Наживка бываетъ трехъ родовъ: мойва, сельдь и песчанка. Последняя всегда осенью.

Цѣны на наживку обыкновенно 5 кронъ (2 $\frac{1}{2}$ руб.) за ящикъ, иногда доходить до 30—40 кронъ за ящикъ.

Наживка развозится въ ящикахъ, размѣръ которыхъ вездѣ одинаковъ—63 сантим. въ квадратѣ и около 25 сантим. высоты.

Промышленники, не обладающіе достаточными личными средствами для покупки моторнаго или паруснаго бота, получаютъ денежную помощь или отъ сберегательныхъ кассъ или отъ спеціальнаго промышленнаго фонда (Næringskerfond), каковыя суммы выдаются промышленнику подъ гарантію коммуны—собранія города. Заявившій о своемъ желаніи купить боть и желающій взять ссуду предварительно подвергается оцѣнкѣ въ томъ, можно ли ему довѣрить просимую ссуду. Желающій получить правительственную ссуду долженъ имѣть $\frac{1}{3}$ часть испрашиваемой суммы. Взятая ссуда должна быть выплачена въ теченіе 5 лѣтъ, что всегда, за малымъ исключеніемъ, бываетъ. Въ противномъ случаѣ, боть продается съ аукціона. Ссуда на руки промышленнику не выдается, идетъ чрезъ руки городского собранія на пріобрѣтеніе судна. Проценты на взятую ссуду исчисляются въ размѣрѣ $3\frac{1}{2}\%$ годовыхъ. Боть обязательно страхуется, и полисъ находится въ банкѣ. Владѣлецъ бота, купившаго его на средства ссудной кассы, долженъ чистить и содержать

свой ботъ несправно, для чего избираются особия лица изъ числа тѣхъ же рыбаковъ или надзора. Владелецъ бота обязанъ выправить себѣ номеръ, который прикрѣпляется на носъ судна. Такіе номера значительно упрощаютъ регистраціи судовъ и очень удобны во всѣхъ связанныяхъ съ ловлей рыбы и торговлей, случаяхъ.

Рыбнымъ промысломъ завѣдываютъ рыбные патемотрщики. Они регистрируютъ каждый приходящій съ моря ботъ, занисывая его номеръ, выловленное количество рыбы, а затѣмъ по какой цѣнѣ состоялась продажа. Какъ я уже раише сказалъ, рыболовныя досмотрщики посылаютъ свидѣнія о пайжикѣ губернатору, также доносятъ ему подробно о привозѣ рыбы, а губернаторъ, собирая аналогичныя свидѣнія отъ остальныхъ, суммируетъ ихъ и разсылаетъ повсюду въ Норвегій телеграфно. Въ заключеніе я хочу еще упомянуть, что норвежцы прекрасно сознаютъ, насколько ихъ матеріальное благополучіе зависитъ отъ рыболовства, и потому не щадятъ ни денегъ, ни силъ, чтобы насколько возможно улучшить его и закрѣпить за собой. Они запрещаютъ тралловый ловъ рыбы вдоль всего норвежскаго берега на разстояніи территориальной полосы (около 7 верстъ отъ берега), при чемъ въ фіордахъ это территориальное пространство считается такъ: прямая линія, проведенная отъ крайней точки одной стороны фіорда на противоположную крайнюю другой стороны фіорда, считается основой для начисленія отъ нея почти 7-ми верстнаго разстоянія. Пространство территориальнаго моря, исключительно предоставленнаго промыслу туземцевъ по норв. закону = 1 геогр. мили (изъ 15 въ одномъ градусѣ широты), или 4 мили, что на русскую мѣру составитъ 6,95592 версты.

Среди норвежскихъ судовъ не имѣется ни одного траулера. Бываютъ только нѣмецкія и британскія, которыя, однако же, не настолько емлы, какъ на Мурманѣ. Я лично присутствовалъ въ 1911 году на судѣ въ Вардѣ, когда возбуждалось дѣло противъ одного англійскаго траулера, пойманнаго въ Барангеръ-фіордѣ траллящимъ рыбу. Онъ принужденъ былъ заплатить штрафъ въ 20.000 кронъ, несмотря на весь свой „британскій“ престижъ. Насколько я помню, задержка нашимъ „быстроходнымъ“ крейсеромъ такого же траулера кончилась для нашего самолюбія и кармана печально.

Н. Горанскій.

Къ вопросу о современномъ положеніи русской экспортной лѣсной торговли *).

(Окончаніе см. № 3 „Извѣстій“ за г. г.).

Весь этотъ лѣсъ, равно какъ и транспортируемый въ Германію сухопутнымъ путемъ, собирается съ весьма обширнаго района, обнимающаго пространство около 37,6 милл. дес., въ составъ котораго вхо-

*) Лѣсная коммисія сельско-хозяйственнаго комитета по пересмотру торговыхъ договоровъ, состоящая подъ предѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, сенатора, тайнаго совѣтника В. Е. Иванникова, предполагаетъ издать рядъ трудовъ, имѣющихъ задачей освѣтить, по возможности всесторонне, русскую экспортную лѣсную торговлю съ главнѣйшими странами Западной Европы въ дѣлахъ лучшаго

дять 10 губерній Привислинскаго края и губерній—Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская и Волынская. Обь общемъ пространствѣ этого района, о количествѣ въ немъ казенныхъ и частновладѣльческихъ лѣсовъ и, наконецъ, о его лѣсности даетъ представленіе слѣдующая таблица, составленная на основаніи послѣднихъ данныхъ, имѣющихся въ распоряженіи Лѣснаго Департамента.

Губерніи района.	1.	2.	3.	4.	5.	6.
	Общее пространство района.	Общая площадь казенныхъ лѣсовъ.	Площадь лѣсной почвы казенныхъ лѣсовъ.	Лѣса частного владѣнія.	Площадь всѣхъ лѣсовъ (графы 3 и 4).	Лѣсность.
		Д	е	с	я	т
		и	п	ы.		
10 губерній Привислинскаго края	11620600	772589	714362	847804	1562226	13,4
Виленская	3896001	307130	250924	668524	928448	24,2
Ковенская	3378815	190951	163532	424687	588219	16,0
Гродненская	3531440	333357	276935	473860	750795	21,3
Минская	8348465	717450	472544	2591637	3064181	36,7
Волынская	6506543	469260	368502	1327189	1095781	20,0
И т о г о	37582900	2790737	2255889	6333761	8589050	22,9

Итакъ, общая площадь лѣсовъ разсматриваемаго района обнимаетъ около 8,6 милл. десятинъ, въ томъ числѣ казенныхъ 2,3 милл. дес., т. е. 26% и частныхъ 6,3 милл. дес. или 74%, о. Всѣ эти лѣса принимаютъ въ экспортъ лѣсныхъ матеріаловъ въ Германію весьма неравномерное участіе, а нѣкоторые районы даже ничего не даютъ для экспорта. Такъ, Привислинскій край, отличающійся незначительной лѣсностью, густымъ населеніемъ и сильно развитой промышленностью можетъ дать для вывоза очень небольшое количество лѣсныхъ матеріаловъ, по преимуществу изъ дачъ, расположенныхъ по берегамъ р. Вислы и ея крупнѣйшихъ притоковъ. Изъ Волынской губерніи, расположенной на окраинѣ района, въ Германію экспортируется, кромѣ сосны въ кругломъ видѣ и въ тесаныхъ матеріалахъ, довольно значительное количество дуба, изъ котораго вырабатываются весьма цѣнные сортименты (брусня, клека и пр.) съ усилкомъ выдерживающіе перевозку по желѣзной дорогѣ до Мемеля. Но главную массу лѣса для экспорта въ Восточную Пруссію даютъ губерніи Виленская, Ковенская, Гродненская и, въ особенности, Минская, отличающаяся высокой лѣсностью (почти 37%). Направляемый по р. Припяти и ея притокамъ лѣсъ транспортируется, съ одной стороны, по Днѣпро-Бугскому каналу на р. Вислу, а, съ другой, по Огинскому каналу на Нѣманъ.

выясненія нужды этой торговли къ предстоящему въ 1917 г. пересмотру торговыхъ договоровъ, тѣсно затрагивающихъ и интересы нашего лѣснаго экспорта. Настоящій краткій обзоръ является вводнымъ къ серіи упомянутыхъ трудовъ и заключаетъ важнѣйшія свѣдѣнія о современномъ положеніи русскаго лѣснаго экспорта вообще и, въ частности, русскаго лѣсной торговли съ Германіей, въ виду особо неблагоприятныхъ условий вывоза нашего лѣса въ названное государство. Слѣдующимъ трудовъ комиссія явится изданіе подробнаго списка разнаго рода трудовъ (спеціальныя работы, отчетовъ, статей и пр.), появившихся въ послѣднее время какъ въ русско-такъ и въ иностранной печати и посвященныхъ лѣсной статистикѣ, по преимуществу, и экспортной лѣсной торговлѣ разныхъ странъ, въ частности. Этотъ справочникъ дастъ возможность лицамъ, интересующимся международной лѣсной торговлей, ориентироваться въ обширной литературѣ по этому вопросу, разбросанной въ большомъ количествѣ изданій, розысканіе которой, при отсутствіи подобнаго рода изданія, представляется довольно труднымъ дѣломъ.

Обращаясь къ вопросу о томъ, въ какомъ положеніи находятся лѣса района и долго ли они могутъ еще служить источникомъ для экспорта, слѣдуетъ отмѣтить, что для сужденія объ этомъ можно имѣть въ виду лишь данныя о казенныхъ лѣсахъ. Данныя эти, приведенныя въ нижеслѣдующей табличкѣ, показываютъ количество лѣса, назначенное изъ казенныхъ дачъ къ отпуску по смѣтѣ въ 1911 г. и дѣйствительно проданное въ томъ же году.

Губерніи района.	Количество и стоимость лѣса, назначеннаго къ отпуску по смѣтѣ 1911 г.		Количество и стоимость лѣса, проданнаго и разрѣшеннаго къ отпуску изъ смѣтнаго назначенія 1911 г.		% отношеніе количества проданнаго лѣса къ назначенному.
	Куб. саж. по оцѣнкѣ въ рубляхъ.	Стоимость	Куб. саж.	Продажная цѣна въ рубляхъ.	
10 губерній Привислинскаго края	209900	4480771	194497	5975248	93
Вяленская	115507	1330902	88745	1401864	77
Ковенская	70000	633501	50582	024057	72
Гродненская	136385	1861087	104764	2008404	77
Минская	224850	1946315	199608	2738490	89
Вольнская	102149	1597814	188778	2082520	86
Итого	919493	11859890	777004	14880852	84

Такимъ образомъ, изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ района въ 1911 г. было назначено въ продажу по смѣтѣ 919,493 куб. саж., т. е. около 0,40 куб. саж. (88 куб. фут. плотной древесины) съ десятины; изъ этого количества въ дѣйствительности было отпущено 777,004 куб. саж., или 84%, т. е. 10% назначенія по разнымъ причинамъ не было продано. Изъ приведенныхъ данныхъ, имѣющихъ, конечно, самое общее значеніе, выясняется, что казенные лѣса эксплуатируются довольно консервативно и при такой бережливой эксплуатаціи будутъ постоянно служить источникомъ для удовлетворенія потребностей въ лѣсѣ какъ мѣстнаго населенія, такъ и для экспорта части матеріаловъ за границу. Что касается частновладѣльческихъ лѣсовъ, то, по общимъ отзывамъ, состояніе ихъ значительно хуже, и они даютъ для вывоза все болѣе и болѣе мелкіе матеріалы, о чемъ свидѣтельствуютъ данныя нѣмецкихъ таможенъ въ Шпильно (на Вислѣ) и въ Шмалленгкенѣ (на Нѣманѣ). Съ другой стороны, есть основаніе предполагать, что потребление лѣсныхъ матеріаловъ мѣстнымъ населеніемъ, а также мѣстной промышленностью должно возрастать. Нужно думать поэтому, что даже въ недалекомъ будущемъ экспортъ лѣса въ Германію можетъ подвергнуться нѣкоторому сокращенію. Тѣмъ не менѣе, рѣки Нѣманъ и Висла всегда будутъ наиболѣе выгодными путями транспорта лѣса изъ очерченнаго района какъ въ Германію, такъ и на міровой рынокъ, и едва ли можно предполагать, что какими-либо искусственными мѣрами, вроде пониженія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, можно было повернуть лѣсные матеріалы съ направленія ихъ естественнаго движенія по дешевому водному пути.

Извлекаемая Германіей выгода изъ экспорта русскаго лѣсного дѣрва по названнымъ рѣкамъ весьма велика.

Прежде всего, весьма значительны самыя обороты лѣсоторговли. По даннымъ германской статистики (отличающимся обычно отъ русскіхъ въ сторону увеличенія, примѣрно на 40—50%), въ 1910 г. черезъ Шмалленгкенскую заставу на р. Нѣманѣ прошло около 2,000,000

фестметровъ *) равныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, всего на сумму 40,5 мил. мар. или около 18,8 милл. руб., а черезъ Шильонскую заставу на р. Вислѣ—862,000 шт. сосновыхъ, еловыхъ бревенъ и бревенъ лиственничныхъ породъ и около 2,000,000 шт. всякихъ другихъ лѣсныхъ сортовъ на сумму до 17,2 милл. р. Такимъ образомъ, стоимость всего лѣса, доставленнаго изъ Россіи, отбывалась иѣмцами примѣрно въ 36 милл. руб.

Пройдя Шильонскую заставу на р. Вислѣ, гдѣ производится объѣмъ лѣсныхъ матеріаловъ съ цѣлью оплаты ихъ пошлиной, они доставляются затѣмъ въ г. Торнъ (въ 6 килом. отъ русской границы), являющійся, по преимуществу, распределительнымъ рынкомъ. Здѣсь заключаются главныя операціи по покупкѣ лѣса, а затѣмъ большая часть матеріаловъ сплавляется въ Бромбергъ (сначала по Вислѣ, а затѣмъ по ея притоку р. Брагѣ), гдѣ и распиливается на доски многочисленными лѣсопильными заводами. Остальной лѣсъ транспортируется съ тою же цѣлью въ Лине на Одерѣ, въ Штеттинъ (въ послѣдній пунктъ экспортируется ежегодно около 10% всего количества лѣса, прилавляемаго по р. Вислѣ) и въ г. Данцигъ, расположенный у устья Вислы. Какъ пунктъ для переработки древесины на заводахъ, Данцигъ имѣетъ второстепенное значеніе, но онъ является весьма важнымъ для Германіи экспортнымъ рынкомъ, переотправляющимъ за границу (по преимуществу въ Англію) такіе русскіе матеріалы, какъ шпигера, переводные брусья, шпалы и проч. Дубовая кленка идетъ черезъ Данцигъ въ весьма ограниченномъ количествѣ.

На р. Пѣманѣ экспортируемый изъ Россіи лѣсъ попадаетъ, прежде всего, на пограничную таможену Шмаллениккенъ, гдѣ и производится его объѣмъ. Слѣдующимъ этапомъ въ движеніи лѣсныхъ матеріаловъ къ морю является г. Тильзитъ, играющій роль такого же распределительнаго, по преимуществу, рынка, какъ и Данцигъ на Вислѣ. Сдѣлки заключаются на Кенигсбергѣ и Мемелѣ, куда лѣсъ доставляется воднымъ путемъ для распиловки на многочисленныхъ мѣстныхъ заводахъ и для переработки на различныхъ фабрикахъ (целлюлозныхъ, древесномассовыхъ, фанерныхъ и проч.). Что касается, въ частности, Мемеля, то онъ въ значительной мѣрѣ походить на Данцигъ, такъ какъ также переотправляетъ множество матеріаловъ, русскаго происхожденія на міровой лѣсной рынокъ. По самымъ скромнымъ даннымъ, основаннымъ на свѣдѣніяхъ германской статистики, ежегодный заработокъ Мемеля (оплата труда рабочихъ и администраціи и барышъ владѣльцевъ лѣсоторговыхъ предприятий) составляетъ до 3 милл. руб., а общія выгоды Германіи, получаемая вслѣдствіе вывоза русскаго лѣса въ необработанномъ видѣ, исчисляется разными изслѣдователями этого вопроса въ 8—10 мил. руб. ежегодно.

Нужно отдать справедливость германскому правительству, что оно принимаетъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы улучшить условія торговли, вообще, и лѣсоторговли въ Восточной Пруссіи, въ частности. Мѣры эти выражаются какъ въ ассигнованіи крупныхъ средствъ на тѣ или нвыя улучшенія, такъ и въ поддержкѣ частной инициативы, направленной къ возведенію общепользныхъ сооружений.

Въ отношеніи лѣсной торговли мѣры эти сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ тремъ: 1) улучшенію водныхъ путей сооб-

*) Фестметръ или плотный метръ содержитъ 35,3 куб. фут. плотной древесины.

денія, 2) организациі выдачи ссудъ подѣ лѣсные матеріалы и 3) установленію соответствующихъ интересамъ восточно-прусскаго лѣсоторговли пошлинъ на ввозимые изъ Россіи лѣсные матеріалы.

Что касается мѣропріятій перваго порядка, то слѣдуетъ признать, что соответствующіе водные пути приведены въ Восточной Пруссіи въ образцовое состояніе. Главная водная артерія—рѣка Висла и Нѣманъ, путемъ долгой планомерной работы надъ ними превращены въ сравнительно узкіе, но зато глубоководные каналы, доступные для плаванія судовъ даже съ значительной осадкой. Устроены цѣлый рядъ каналовъ, благодаря которымъ лѣсъ успешно транспортируется по дешевымъ воднымъ путямъ до Мемеля и Кенигсберга—изъ бассейна Нѣмана и до Штеттина и Берлина—съ Вислы. Въ мѣстахъ сосредоточенія большихъ количествъ лѣсныхъ матеріаловъ сооружены лѣсныя гавани, какія имѣются, на примѣръ, въ Торнѣ и въ Бромбергѣ. Гавань въ Торнѣ занимаетъ площадь въ 66 гектаровъ и въ ней помѣщается одновременно до 170 шт. большихъ вислинскихъ плотовъ, т. е. до 10% всего числа плотовъ, ежегодно проходящихъ черезъ Торнъ; гавань эта обшлакъ болѣе, чѣмъ въ 1,500,000 р., и въ сооруженіи ея принимали участіе казна, лѣсоторговцы и городъ Торнъ. Гавани имѣютъ цѣлью не только сохранять лѣсные матеріалы отъ утери, смѣшенія и всякихъ поврежденій во время наводковъ въ рѣкахъ, но и значительно облегчаютъ совершеніе кредитныхъ операцій. Съ другой стороны, при не-благопріятныхъ условіяхъ рынка лѣсоторговцы имѣютъ возможность выжидать въ гаваняхъ болѣе благопріятнаго времени для реализаціи своего лѣса.

Кредитъ въ лѣсоторговыхъ операціяхъ имѣетъ значеніе первостепенной важности, и въ данномъ отношеніи въ Германіи уже сдѣлано многое. Государственный германскій банкъ (Reichsbank) даетъ подѣ лѣсныхъ матеріаловъ ссуды до 50% ихъ стоимости, частныя же банки находятъ возможнымъ увеличивать размѣръ этихъ ссудъ даже до 80% цѣнности закладываемыхъ матеріаловъ. Широкое примѣненіе эта мѣра, получаетъ, благодаря устройству гаваней и другихъ хранилищъ на рѣкахъ, въ которыхъ закладываемые матеріалы могутъ сохраняться безъ риска для кредитныхъ учреждений, выдающихъ ссуды. Для наблюденія за лѣсными матеріалами, подѣ которые предоставляется кредитъ, въ Германіи существуетъ особый институтъ присяжныхъ хранителей лѣса, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить за цѣлостью матеріаловъ и за выпускомъ ихъ изъ хранилищъ, въ случаѣ продажи полностью или по частямъ.

Въ стремленіи лучше обезпечить интересы лѣсной промышленности и лѣсоторговли въ Восточной Пруссіи, Германіи удалось установить по конвенціи 15—28 іюля 1904 года обязательство со стороны Россіи не запрещать вывоза сырого или отесаннаго лѣса и не налагать, на него вывозной пошлины. Съ другой стороны, Германія ввела, какъ уже было отмѣчено выше, высокій таможенный тарифъ на ввозимый русскій пиленый лѣсъ, чтобы устранить его съ германскаго рынка. Какъ какъ цѣль эта осталась не вполне достигнутой, то, надо думать, Германіей будетъ сдѣлана новая попытка еще увеличить эту пошлину, достигаящую нынѣ почти 6 коп. съ куб. фута. Что касается, вообще пошлины, налагаемой на лѣсные матеріалы, ввозимые въ предѣлы Германіи, то она достигаетъ слѣдующихъ размѣровъ за 1 куб. футъ:

I. Строевой и подѣлочный лѣсъ, въ корѣ или безъ коры, необдѣланный или поверхностно обдѣланный въ поперечномъ направленіи пиклой или тоноромъ, мягкихъ породъ	0,95 к.
Тоже, твердыхъ породъ	2,37 к.
II. Отесанный въ продольномъ направленіи или иначе обработанный тоноромъ, мягкій лѣсъ	1,90 к.
Тоже, твердыхъ породъ	2,53 к.
III. II. Шпеленый въ продольномъ направленіи: лѣсъ мягкихъ породъ	5,90 к.
лѣсъ твердыхъ породъ	7,60 к.

Кромѣ того, съ лѣса, ввозимаго въ Германію, взимаются сборы за измѣрение и вычисленіе объема древесины съ цѣлью обложенія ея пошлиной *).

Что касается соответствующихъ условій экспортной лѣсной торговли въ Россіи, то для ихъ улучшенія предстоитъ еще многое осуществитъ.

Выше было уже отмѣчено, что главная масса лѣсныхъ матеріаловъ, экспортируемыхъ въ Германію, поступаетъ для сплава по Шману и по Вислѣ съ бассейна Дибиря, по преимуществу изъ предѣловъ Минской и сѣверной части Волынской губ. Лѣсъ этотъ транспортируется по р. Припяти, и часть его передается при посредствѣ Огинскаго канала, соединяющаго р. Ясельду съ р. Шарой, на Шманъ, а другая при посредствѣ Дибиро-Бугскаго канала, соединяющаго р. Инну съ Мухавцемъ и Западнымъ Бугомъ—на Вислу. Какъ тотъ, такъ и другой водный путь, имѣющіе для экспортной лѣсной торговли весьма важное значеніе, дѣйствуютъ въ настоящее время несовершенно и пуждаются въ неуправленіи. Такъ, Дибиро-Бугскій каналъ представляетъ весьма солидное сооруженіе (время еще польскаго владычества), но оно пришло нынѣ въ печальное состояніе. Каналъ постоянно обмелѣваетъ, что происходитъ, главнымъ образомъ, потому, что питающіе его водопроводы Бѣлозерскій и Орѣховскій, вслѣдствіе отсутствія ремонта, почти перестали дѣйствовать. Столь же сильно обмелѣваютъ и соединяемая каналомъ рѣчки—Инна (притокъ Припяти) и Мухавецъ (притокъ Западнаго Буга, впадающаго въ Вислу). Эти причины вызываютъ временами полную приостановку транспорта лѣса съ бассейна Припяти на Вислу. Такъ, лѣтомъ 1911 г. Дибиро-Бугскій каналъ совершенно пересталъ дѣйствовать, и какъ въ немъ самомъ, такъ и въ руслѣ соединяемыхъ имъ рѣкъ обмелѣло большое количество лѣса, примѣрно на 2½ мил. руб., пролежавшаго безъ движенія до поздней осени. Этимъ, разумѣется, лѣсопромышленности былъ нанесенъ сильный ударъ, такъ какъ экспортеры не могли выполнить условія контрактовъ и поставить лѣсъ своевременно въ Торнъ; это же обстоятельство сильно удорожило доставку матеріаловъ, вызвавъ накладные расходы по надзору за лѣсомъ и его стаскиваніемъ съ мелей въ рѣку.

Транспортъ лѣса, направляемаго изъ бассейна р. Припяти на Шманъ, находится въ такомъ же вризмѣрно состояніи. Огинскій каналъ между рр. Ясельдой (притокъ Припяти) и р. Шарой (притокъ Шмана) длиной въ 50 вер. представляетъ самъ по себѣ весьма солидное сооруженіе, относящееся къ XVIII вѣку. Вслѣдствіе недостаточнаго ре-

*) „Русско-германская лѣсная торговля“, 1910 г. стр. 43—44.

лонта, капаль сильно обмелѣлъ и, кромѣ того, имѣеть тотъ недостатокъ, что его шлюзы имѣють всего 2¹/₂ арш. въ ширину, а потому капаль совершенно неприспособленъ для дѣятельнаго грузового движенія: поступающіе въ капаль плоты приходится перевозывать, въ соответствии съ указанными ничтожными размѣрами шлюзовъ, въ пленки въ 2—2¹/₄ арш. шириной, что обходится дешево. Течение соединяемыхъ каналовъ притоковъ Иссыды и Щары регулировано, а потому эти рѣчки также часто обмелѣвають и создаютъ препятствія для правильнаго движенія плотовъ и тѣмъ болѣе, судовъ. Однимъ изъ проектовъ для улучшенія условій транспорта грузовъ по Огинскому каналу является устройство обходнаго канала вокругъ Выгоповскаго озера, которое въ настоящее время входитъ въ составъ Огинскаго канала; это сооруженіе дало бы возможность сдѣлать изъ названнаго озера бассейна, питающій все сообщеніе подою, что при настоящихъ условіяхъ не достигается.

Помимо неблагоприятнаго состоянія названныхъ соединительныхъ системъ, рѣчки Висла и Нѣманъ, а тѣмъ болѣе ихъ притоки также мало приспособлены для усиленнаго грузового движенія. Обмелѣніе этихъ рѣкъ представляетъ весьма частое явленіе, при чемъ сплавъ товаровъ въ баржахъ иногда приостанавливается даже на нижнихъ участкахъ рѣкъ, напр., на Нѣманѣ отъ г. Ковно до Юрбурга.

Что касается судоходства въ системѣ Днѣпро-Бугскаго канала, то оно почти совсѣмъ невозможно на р. Западномъ Бугѣ и въ верхнемъ теченіи р. Пины и часто затрудняется даже на самой Вислѣ. Между тѣмъ, опытъ работъ по регулированію течения Нѣмана и Вислы въ предѣлахъ Германіи, а также регулированія Вислы на некоторомъ разстояніи отъ русско-прусскаго границы—въ Россіи, даютъ полное основаніе полагать, что выполненіе этой задачи вполне осуществимо, хотя и связано съ затратой крупныхъ средствъ.

Другой задачей, подлежащей осуществленію на рр. Вислѣ и Нѣманѣ, въ цѣляхъ содѣйствія лѣсной торговлѣ, является устройство на этихъ рѣкахъ, по примѣру Восточной Пруссіи, лѣсныхъ гаваней. Главныя цѣли, преслѣдуемыя этими сооружениями въ русскихъ предѣлахъ, суть: а) охрана лѣса отъ паводковъ на рѣкахъ, б) размѣщеніе плотовъ и судовъ съ лѣсными матеріалами при сѣвгѣ гонщиковъ или при приемкѣ лѣса, в) возможность выдерживанія лѣса въ затонахъ, въ ожиданіи улучшенія условій реализаціи его на рынкѣ и г) облегченіе кредитныхъ операцій въ отношеніи лѣса, паходящагося въ защищенномъ мѣстѣ. Какъ видно изъ вышеназложеннаго, сдѣл эти почти тѣ же, что и задачи, преслѣдуемыя при сооруженіи гаваней за границей.

Вопросъ о сооруженіи гаваней на рр. Нѣманѣ и Вислѣ въ послѣднее время значительно подвинутъ впередъ. Такъ, Министерствомъ Путей Сообщенія вносится въ законодательныя учрежденія проектъ о сооруженіи довольно обширной (площадью въ 52 дес.) лѣсной гавани въ п. Цѣхошникѣ на р. Вислѣ, а также разсматривается вопросъ объ устройствѣ такой же гавани въ м. Юрбургѣ на Нѣманѣ. Эта послѣдняя гавань должна быть сооружена въ противовѣсъ лѣсной гавани въ Тильзитѣ, проектируемой тильзитскимъ купечествомъ. Союзъ лѣсопромышленниковъ Сѣверо-Западнаго края со своей стороны возбудилъ передъ Виленскимъ Округомъ Путей Сообщенія ходатайство объ устройствѣ лѣсной гавани вмѣстимостью на 150 плотовъ на р. Виліи

выше г. Вильны, гдѣ могли бы останавливаться плоты для ихъ пріемки или для смѣны рабочихъ-гонщиковъ.

Что касается вопроса о *кредитѣ* въ лѣсоторговомъ дѣлѣ, то онъ, несомнѣнно, является однимъ изъ наиболѣе важныхъ въ дѣлѣ улучшенія нашей внутренней и вибшней лѣспой торговли.

Дѣйствующія въ настоящее время „правила для выдачи ссудъ подъ залогъ лѣсныхъ матеріаловъ“, утвержденныя г. управляющимъ Министерствомъ Финансовъ 7 января 1904 года, и циркуляръ Государственнаго банка отъ 4 марта 1910 г. за № 30 имѣютъ нѣмнѣ сравнительно очень небольшое примѣненіе, находящее собѣ объясненіе, отчасти, въ самомъ характерѣ этихъ правилъ, допускающихъ залогъ какъ круглаго лѣса, такъ и готовыхъ лѣсныхъ матеріаловъ, лишь сложныхъ на лѣсныхъ складахъ въ такихъ мѣстахъ, которыя удобны для предварительнаго осмотра залоговъ чинами банка, послѣдующаго надзора за ними и для реализаціи въ случаѣ необходимости, въ цѣляхъ обезпеченія интересовъ банка.

Такимъ образомъ, ссуды подъ лѣсъ разрѣшаются лѣсоторговцамъ въ то время, когда закладываемые въ банковыя учрежденія матеріалы наиболѣе близки къ моменту ихъ продажи на рынкѣ. Между тѣмъ, наибольшую потребность въ кредитѣ лѣсопромышленники испытываютъ гораздо ранѣе, а именно, приступая къ заготовкѣ купленнаго лѣса. Въ это время по покупкамъ лѣса съ торговъ уже внесены залогомъ, произведены другіе платежи и предстоятъ крупныя расходы по заготовкѣ лѣса, вывозкѣ его изъ дачъ и пр. Въ концѣ этихъ операцій, по когда реализація заготовленнаго лѣса еще далека, многія, даже крупныя, лѣсоторговныя фирмы испытываютъ нужду въ оборотныхъ средствахъ, поиски которыхъ не всегда увѣнчиваются успѣхомъ, или же эти средства получаютъ на слишкомъ тяжелыхъ условіяхъ. Изъ этого видно, что изысканіе наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ улучшенія условій лѣспой торговли и лѣсопромышленности путемъ предоставленія кредита должно быть направлено въ сторону оказанія этой помощи въ періодъ начальныхъ операцій по разработкѣ лѣса.

Тѣмъ не менѣе, выдача ссудъ подъ круглякъ и другіе матеріалы, уже находящіеся на пути къ рынку сбыта, также имѣетъ большое значеніе, и для осуществленія этой мѣры въ широкомъ масштабѣ необходима соотвѣтствующая организація страхованія лѣсныхъ матеріаловъ и, съ другой стороны, устройство для нихъ такихъ помѣщеній, которыя бы гарантировали интересы кредитныхъ учреждений. Сооруженіе лѣсныхъ гаваней, каковыя проектируются на Вислѣ и Нѣманѣ, является важнымъ шагомъ въ данномъ направленіи.

Совершенно особнякомъ отъ всѣхъ перечисленныхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію современныхъ условій русско-германской лѣспой торговли стоитъ проектъ сооруженія *Виндавскаго канала* (между р. Дубиссой, притокомъ Нѣмана, и р. Вентой, притокомъ р. Випдавы), возникшій еще въ царствованіе Александра I. Къ сожалѣнію, это сооруженіе, начатое въ 1825 г., осталось недоконченнымъ, и израсходованныя на работы крупныя суммы (до 10 милл. руб.) были утрачены безъ всякой пользы. Проведеніе Виндавскаго канала имѣетъ одной изъ своихъ задачъ освободить русскую лѣспую торговлю, производимую по р. Нѣману, отъ всякаго вліянія нѣмецкихъ лѣсоторговцевъ, давъ выходъ лѣснымъ матеріаламъ (транспортируемымъ пылѣмъ, по необходимости, на Тильзитъ, Кенигсбергъ и Мемель) въ русскій портъ Випдаву и, стало

чать на мировой рынокъ. Многія соображенія говорятъ за то, что осуществленіе этого проекта измѣнило бы условія экспортной лѣсной торговли въ Западномъ краѣ кореннымъ образомъ и отразилось бы, вѣроятно, и на лѣсоторговлѣ по р. Вислѣ въ томъ отношеніи, что всѣ лѣсные матеріалы или значительная ихъ часть, транспортируемые въ настоящее время изъ бассейна Двѣпра на Двѣпро-Бугскій каналъ, получили бы направленіе на Огинскій каналъ и р. Неманъ для дальнѣйшаго сплава въ Видавскій портъ. Созданіе этого пути, при условіи, конечно, соответствующаго оборудованія Огинскаго канала и р. Немала, способствовало бы возникновенію въ краѣ лѣсонильной и другой древообрабатывающей промышленности, нынѣ весьма слабо развитой. Такимъ образомъ, можно было бы надѣяться, что весьма значительная часть той заработной платы, которая приходится нынѣ на долю восточно-прусскихъ рабочихъ, осталась бы въ Россіи, а эта плата составляетъ, какъ мы видѣли выше, милліоны рублей ежегодно.

Часть заводовъ, вѣроятно, возникла бы у конечнаго пункта движенія лѣсныхъ матеріаловъ, а именно въ Видавлѣ, увеличивъ и безъ того разрастающуюся дѣятельность этого превосходнаго порта. Сооруженіе Видавскаго канала вовсе не обозначаетъ закрытія экспорта лѣса по Неману въ Германію: весьма вѣроятно, что часть этихъ матеріаловъ попрежнему направлялась бы на рынки Гильзита, Мемеля и Кенигсберга, по условію этого экспорта были бы совершенно нынѣ, такъ какъ иѣменкіе купцы должны были бы считаться съ возможностью направленія лѣса и на мировой рынокъ черезъ Видаву.

По проекту инженера Шустовскаго, общій грузооборотъ канала предположенъ былъ всего въ 60 милл. пуд. ежегодно. Этотъ грузооборотъ слѣдуетъ признать скорѣе недостаточнымъ, такъ какъ одни лѣсные грузы, по самымъ скромнымъ исчисленіямъ, могутъ покрыть его съ избыткомъ, давая съ площади около 1.500.000 дес. казенныхъ и частныхъ лѣсовъ, расположенныхъ въ районѣ, тяготеющемъ къ сплаву на р. Неманъ, не менѣе 80 милл. куб. фут., или столько же, примѣрно, нудовъ. Примѣрная стоимость устройства Видаво-Неманскаго сообщенія опредѣляется въ суммѣ около 40 милл. руб. Значительная сама по себѣ, эта сумма кажется менѣе крупной, если принять въ соображеніе тѣ ежегодныя милліонныя убытки, которые несутъ—наша лѣсная торговля, промышленность и мѣстное населеніе, въ особенности послѣдствіе экспорта въ Восточную Пруссію лѣса въ необработанномъ видѣ.

Путевыя замѣтки.

(Отъ Карополя до А.-Свирскаго монастыря и обратно).

(Продолженіе см. № 3 „Навѣстій“ за т. г.).

Въ окно видѣется густой темный боръ—то лѣса все казенные: Чуриловицы часть купили, по половинѣ купленнаго уже продали лѣсопромышленникамъ.

Здѣсь растутъ „всякія“ ягоды и грибы, а въ числѣ послѣднихъ, и красныя рыжики.

Но, досвиданія Чурилово—погода немного смирилась.

Минувемъ обычные поля и входимъ въ прекрасный сосновый боръ, вправо прошла новая дорога въ Шильдскій погостъ, просѣлка дороги кажется узкимъ и темнымъ ущельемъ. Телефонъ, какъ олонецкій, убѣгаетъ въ Шильду, здѣсь остается одинъ телеграфъ.

Шильды за лѣсами не видно. Она славится изготовленіемъ тарantasовъ и колесъ.

Несмотря на вѣтеръ, въ лѣсу тихо и тепло, но лѣсъ скоро прекратился, открылась широкая пустошь, окруженная сплѣвными лѣсами,—вдали показалось буйное Сварозеро.

Отъ Чурилова до Сварозера около 7-ми верстъ. Вотъ она, шумливая деревня! Частыя большія постройки, многія изъ нихъ съ такимъ же скатомъ, что и въ Чуриловѣ, и съ тѣмъ же висячимъ мясомъ. Порядочно зелени. Встрѣчаются характерныя старухи-старовѣрки съ ѣдкими глазами... Слышу стукъ въ рамы и дѣтскій крикъ:

— Заходите!

То двѣ маленькія дѣвченки—смѣются и машутъ руками.

Слѣва примыкаетъ къ самымъ постройкамъ деревни болото съ мелкимъ сосновымъ лѣсомъ: странно—вмѣсто обычныхъ грядъ, на задворкахъ лѣсъ—сосенки касаются самыхъ дворовыхъ построекъ, почва въ лѣсу ишпетая, кочковатая.

Но гдѣ же озеро?

А вотъ оно мелькнуло въ перерывѣ лѣса между двумя большими избами—свѣтлое, симпатичное—къ нему бѣжитъ черная тропа. Озеро небольшое: поперекъ,—много—верста, а сколько вдоль, не видно, да оно больше и не показывалось.

Улица у крохотной Вознесенской церкви раздвоилась, образовалъ вилы—мы пошли вправо. Деревня тянулась двѣ версты.

Деревня *Медведева* сравнительно небольшая, съ симпатичною живою рѣчкой. Поперекъ улицы шибко пробѣжала баба, держа подъ фартукомъ купленную гдѣ-то сороковку.

Деревня *Дубровка*. Вдоль ея также бѣжитъ мечтательная сказочная рѣчушка съ игривымъ колѣнцомъ; порядочно зелени—въ концѣ деревни шумитъ мельница.

Объ деревни изобилуютъ „старовѣрами“, есть молениая.

При дорогѣ небольшой сосновый боръ, въ просѣлкѣ котораго красиво выростывается храмъ Кречетовой Шалги.

Въ Кречетовой Шалгѣ почтовая станція—здѣсь напились чаю... Улицы селенія, перекрещиваясь въ срединѣ, съ порядочными домами на углахъ, напоминаютъ что-то городское. Храмъ стоитъ далеко въ полѣ. Здѣшніе торговцы товаръ для продажи достаютъ большую частію изъ Каргополя.

Нѣсколько верстъ среди полей, пустырей, болотъ съ мелкимъ лѣсомъ, и мы опять на олонецкой территоріи—появились телефонные столбы, дорога съ обѣихъ сторонъ декорирована чуднымъ лѣсомъ, люби глядѣть на эти высокія непроницаемыя зеленныя стѣны изъ разнообразныхъ деревьевъ,—а войдешь подъ ихъ сѣнь—тамъ пасмурно, безжизненно, кругомъ частыя древесныя стволы, а на землѣ мохъ, посыпанный желтой хвоей, изъ которой лишь кой-гдѣ пробивается тощій брусничникъ—охватываетъ чувство забытости, заброшенности.

Но вотъ лѣсъ становится ниже; влѣво саженьхъ въ пяти отъ полотна дороги за елками появилась узкая полоса воды—точно рѣка, сѣрая—какъ сѣро небо; простираясь далѣе вдоль дороги, она постепенно

расширяется—и, наконецъ, вдругъ развертывается въ озеро, на островкѣ котораго—близъ дороги, красуется небольшой шатровый храмикъ, окрашенный коричневой краской:

— Казанская пустынь!

Здѣсь нужно заночевать. Логи еле служатъ. Холодно, сыро. Потребность въ отдыхѣ такъ велика, что кажется растянудся бы на дорогѣ.

Вотъ первые два дома: направо—„дьячка“, живущаго здѣсь въ качествѣ охранника храма, налѣво—домикъ какого-то крестьянина, должно быть поселившагося здѣсь ради важныя отъ ностоялага двора—вокругъ послѣдняго съ десятокъ лошадей и телѣгъ; тамъ, вдали, за пологимъ холмомъ еще 4—5 избушекъ и все.

Всѣ здѣсь принимаютъ прохожихъ и проѣзжихъ.

Плетется навстрѣчу подростокъ парень, еле передвигая ноги.

— О какъ ты усталъ!

— Я больной—еле дыша, сдавленнымъ голосомъ объясняетъ парень—работалъ на славѣ, простудился,—хозяинъ не далъ ни денегъ, ни паспорта—не знаю, какъ и до дома добраться!

— А ты откуда?

— Съ Конева.

— У!—язъ-за Каргополя, значить!

Пытаемся отыскать квартиру: всѣ избенки заняты, за исключеніемъ избы какого-то сапожника, но у него невыразимо грязно, темно и какъ то подозрительно. Наконецъ, помѣщаемся у дьячка, гдѣ уже было нѣсколько ночлежниковъ, въ числѣ которыхъ и больной парень.

Казанская пустынь, древняя пустынь—въ былое время жили въ ней монахи; теперь храмъ ея состоитъ приписаннымъ къ Шильдскому погосту, въ качествѣ досмотрщика за храмомъ здѣсь съ давнихъ поръ живетъ лишь сѣдой дьячекъ съ толстой старой дьячихой—характерные типы!.. Особенно дьячиха,—и сейчасъ живо ее себѣ представляю, точно она, вотъ тутъ—передо мной стоитъ!.. Особенно мерещится ея безцеремонно уставленная характерная физиономія, съ желаніемъ узнать, разгадать—каковъ ты тамъ ешь молодецъ?! и нѣтъ ли, де, въ тебѣ чего сродственнаго?!

— Я этого будто гдѣ видала!

— Я тоже!—добавляетъ какая-то „приживалка“.

— Ну, бабушка, я у васъ первый разъ... Можетъ быть ты была въ Каргополѣ?

— Годовъ сорокъ назадъ—была.

— О, тогда меня не было.

— Да нѣтъ, я тебя видала... и т. д.

Старуха беретъ съ каждаго вступившаго въ родство съ ея самоваромъ—по двѣ копейки. Этого дохода у ней бываетъ каждодневно... Ея развалистая походка и особенно объемистая ширина часто служатъ для уходящихъ отъ нея ночлежниковъ предметомъ остротъ и шутокъ, которыя, накопившись въ гололѣ во время лицезрѣнія, вытряхиваются обыкновенно на первой же верстѣ по выходѣ.

Со стороны взглянуть—дьячекъ живетъ здѣсь, какъ помѣщикъ: домъ, дворъ, огородъ, скотъ, мясистая лошадь, по горбышанъ хорошіе посѣвы, пожня; рыбку ловить въ озеркѣ; работаетъ частью самъ, частью нанимаетъ; въ противоположность старухѣ, болѣе замкнутъ и тихъ, мало обращаетъ вниманія на прибывшихъ, держится болѣе или на ра-

ботѣ, или въ дальней комнатѣ... Начинать какъ-то своей супругѣ про повѣдь о неосужденіи, но она усталась при особомъ мѣстѣ⁶.

Больной парень не на шутку разстонался, а вдали отъ родни вообще трудно найти участливыхъ лицъ къ вашему положенію, вотъ участливыхъ къ карману—сколько угодно... но для парня нашелся здѣсь милосердный самарянинъ въ лицѣ одной прохожей бабы-богомолки, которая напоила его чаемъ, даже дала нѣсколько мѣдяковъ на дорогу, наконецъ, сходила въ соседнюю избу, гдѣ отыскала какого-то богомольца-старика, который, двигаясь въ одну сторону съ парнемъ, общался „присмотрѣть“; но все-таки врачебной помощи оказать парню здѣсь никто не могъ, а у него было что-то серьезное: онъ тяжело, съ присвистомъ дышалъ, и съ трудомъ могъ произнести слово.

Чуждый всему отъ скованной усталы, съ истеричнѣею жду, когда перестанутъ двигаться съ мѣста на мѣсто все эти—ушаты, ведра, ковши и т. и. предметы, когда перестанутъ открываться двери, куриться махорка и проч., и все погрузится въ обычный покой. Вчужѣ слушаю разговоры бабъ:

— Какъ вышла замужъ, такъ сразу много лѣтъ—матушка моя—блины все ела, все одна я, боль было некому, а семейство то большое—мало ли панечъ надо: лицо-то калиновато станеть, глазамъ-то жарко—тутъ я видѣ то и потеряла, теперь въ иголку ни за что не попасть... Да и жись-та моя вся прошла—такъ охо-хонюшки!.. чего я и натерпѣлась...

Слушая, ищу глазами мѣсто, гдѣ бы поудобнѣе можно было на почъ развалиться—болѣе симпатичной показалась лавка въ большомъ углу, и я рѣшилъ завладѣть этой территоріей возможно своевременно... На пуховики надѣяться здѣсь было нечего, а нужно было—подобаясь св. отцамъ—валиться прямо на голыя доски. Послѣ такой усталы отдыхъ далеко не соответствующій.

Начинаемъ все основательно отъ грязной, промокшей обуви, къ которой не хотѣлось болѣе никогда возвращаться.

Вмѣсто подушки пришлось подложить подъ голову свою сумку... Вспомнился совѣтъ молитвенника: „еще обрящени возглавницу мягку, остави ю, а камень подложи... яко ниин отиудъ не спятъ“—возглавница мягкой не оказалось, но камень въ сумкѣ былъ, т. е. кусокъ сахара... Спустились сумерки—„ниин“ спали, а мѣгъ—голая скамья подъ спиной, уголь сахара и край стакана подъ головой—мало давали покоя, и я въ отдыхѣ совсѣмъ разочаровался... На полу безнадежно свистѣлъ больной парень, ему отзывался съ высоты нечи Масловъ, храня здоровеннымъ мажоромъ... Возлѣ меня было окно, и я рѣшился подняться, въ надеждѣ—не могу ли, глядя въ него—хотя *помечтать*, какъ какая-нибудь бѣлуга въ корсетѣ: на улицѣ было сѣро, въ противоположномъ домикѣ еще замѣчалось движеніе—тѣмъ болѣе, что въ немъ, будто-бы, существуетъ неофициальная казенка...—виднѣлся силуэтъ храма, часть озера, лѣсъ, но мечты не давались, чувствовалась лишь какая-то безпомощность по отношенію къ себѣ, и я безнадежно опустился опять на свое жесткое ложе, больно ушибивъ при этомъ затылокъ торчавшіе въ сумкѣ уголь сахара и край стакана!.. Положеніе хуже губернаторскаго!.. Въ общемъ спалъ скверно, хотя, однако „лучше клоновъ, которые всю почъ не спали“.

Болѣе измаявшись, нежели отдохнувши—пришлось брезгливо братья опять за тѣ же мокрые носки, грязныя сапоги—насупивши

на весь свѣтъ, тянуть ихъ упрямыхъ на ноги, собирая всю наличность оставшихся силъ.

Еще поведя ногами, выходимъ на улицу. Небо наполовину покрыто сѣрыми криками облаковъ. Солнце, кажется, еще не взошло. Холодно, изрѣдка пролетаютъ мелкія снѣжинки... Бросимъ еще взглядъ кругомъ:

Вблизи дороги—видѣнный вчера островокъ, на немъ шатровый храмикъ съ оебо чтимой Казанской ик. В. М., въ которомъ служеніе совершается, кажется, лишь одинъ разъ въ году... Вокругъ островка озеро, убѣгающее вдаль на юго-западъ приблизительно на версту, берега его почти кругомъ тѣсно обступила непроходимая лѣсная чаща: елки, покрытыя лохмотьями мха, столпились у самой воды, не оставляя ни пяди свободнаго мѣста, гдѣ бы можно было ступить на берегъ ногой... къ ихъ подножію накатывается легкая рябь... Кой-гдѣ ищется рыба... Тлшина—какъ на святой могилѣ!.. Именно *костыль!*.. Все здѣсь вызываетъ и гармонируетъ съ тѣмъ, чтобъ славить Творца „гласы преподобными“, но надъ замкнутымъ храмомъ лишь пернатые, быстро носясь въ воздухѣ, славятъ его своими птичьими голосами...—Но правую сторону дороги лѣсъ отступая нѣсколько за пожию, но недалеко, поэтому неудивительно, что къ самому хлѣву „дьячка“ не такъ давно подходилъ—его мрачность, намѣтничъ сѣверныхъ лѣсовъ!

Досвиданія, тихая пристань! Хорошо было бы, если бы ты попрежнему *жила!*.. умирала души человѣчески, прохлаждала ихъ отъ жгтейскаго зноя, но не тѣ стали люди... Они теперь собираются лишь, какъ комарики въ тихіе вечера—въ большія группы и также безпечно плещутъ—играя жизнью... Библейскій кликъ: „кто Господень?“—остается безъ отзвѣта.

Опять лѣсъ и лѣсъ: мишуемъ какую-то глубокую ложбину—пожию, поднимаемся въ гору: на лѣво чистая лѣсная изба, еще далѣе—направо дороги—цѣлая компанія такихъ же повенскихъ избъ, принадлежащихъ, какъ намъ сказали, лѣсопромышленникамъ.

Вблизи этихъ избъ бѣжитъ ручей—начало Черной рѣчки.

Прекрасный, восторгающій лѣсъ, какъ почетная стража, стоитъ во обѣ стороны дороги. Идетъ навстрѣчу цѣлый полкъ мужиковъ съ бѣлыми длинными баграми на плечахъ.

Черная рѣчка, держась вблизи—точно людская благосклонность—все время бѣжитъ зигзагами: то приблизится къ дорогѣ, то убѣжитъ отъ нея, точно навсегда, въ глубину непроходимого лѣса и опять на минуту вернется—вся она покрыта толстыми бѣлѣющими бревнами.

Чтобъ согрѣться, рѣшили напиться чаю. Маслово оустился по крутому лѣсному скату и досталъ въ излучинѣ рѣчки воды. Ломаю сучья. Недалекъ въ лѣсу слышится чей-то болѣе сильный трескъ, стали прислушиваться—воображенію уже представлялась извѣстная косолая персона:

— Хорошо, что я оттуда ушелъ!—замѣчаетъ Маслово.

Но это было просто эхо, и замѣчаніе Маслово только насмѣшило—хотя, впрочемъ, большой промежутокъ времени до отклика и его большая звучность имѣли много основаній на самопричинность, и легко можно было власть въ заблужденіе.

Пробѣгаетъ заяцъ. Маслово, умудрившійся какъ-то ловить ихъ живьемъ, съ жадностью поглядѣлъ на исчезающій среди зелени его сѣрый задокъ. Тихо продвинулось стадо коровъ, направляемыхъ въ Штеръ.

Напрягая усталыя ноги, опять идемъ, вспоминая по словину одного старца: „терпѣть Моисей, терпѣть Елисей, терпѣть Плимъ—буду терпѣть и я“!

Часто встрѣчаются партіи идущихъ въ Соловки, да еще крестьяне кой-гдѣ починаютъ дорогу—вотъ и все, что ее оживляетъ, кой-гдѣ слышатся обычныя шутки:

— Хлѣбъ да соль!

— Тѣмъ да свой, а ты подальше стой!

— Въ шапкѣ—какъ свинья!..

— Да свиньи то въ шапкахъ ѣдятъ?

У рѣчки, нищая бревно, узналъ мужикъ, другой ему издалика кричить:

— Иди сюда—я подниму!

Наконецъ, гдѣсь мельчасть и немного отходить въ стороны, направо ложня, по которой продолжается бѣжать узкая Черная рѣчка, емъ же здѣсь такъ глубоко, что если даже взглянуть на изгородь, то и тогда съ дороги не видно воды, катищейся по дну этого глубочайшаго рва. За то глубокіе скаты береговъ, зелены и красивы—особенно красивый, окаймленный березами.

Деревнишка... небольшая, съ мелкими постройками. Идущій по улицѣ паренъ съ любопытствомъ пялитъ на насъ глаза и грызетъ прямо поль каравая хлѣба... Изъ открытыхъ воротъ одного двора вдругъ кто-дается на меня кто-то черныи... Отскакиваю... но—о, это ома!

Еще немного и показался домъ, имѣющій отношеніе къ лѣсному дѣлу, а тамъ, за глубокой ложниной, на поворотѣ дороги опять деревенька... Здѣсь Черная-рѣчка впадаетъ въ Индоманку—последняя такъ разгулялась въ ложбинѣ, что просто сбиваешься съ толку—одна ли здѣсь рѣка, или ихъ нѣсколько—столько виднѣется здѣсь различныхъ обходовъ, рукавовъ, островковъ и затѣйныхъ изгибовъ... А тамъ, за деревенькой, живописные, замысловатые холмы съ деревьями, съ любопытствомъ обступившими рѣчку—какъ гостепріимные хозяева, пашерывы приглашаютъ къ себѣ—общая посвятить въ свои вѣковыя тайны, убаюкать своими грезами, передать тѣ образы и представленія, которыми они воспитывали и воспитываютъ живущихъ здѣсь насельниковъ—чувется ихъ пріятное вѣщаніе, и горькая досада беретъ на усталыя ноги.

Близкій мостъ надъ Черной-рѣчкой, затѣмъ мостъ надъ глубокимъ и темнымъ зѣвомъ Индоманки—и мы въ деревнѣ Херкѣ... Есть здѣсь лавченка, торговецъ которой за плохой товаръ деретъ по семи пшуръ.

Здѣсь, конечно, опять отдыхъ, чай... На квартирѣ, къ удивленію, встрѣчаемъ каргошала—легкового извозчика.

— Куда ты такъ?

— Нанялся изъ Вытегры гимназистокъ доставить, а туда по пути везу пару сѣдоковъ—мужа и жену, они сейчасъ въ банѣ—баню заказали!

Послѣ отдыха опять дорога. У Маслова рассказы постоичились, а онъ, идя впереди, поетъ:

Гора Авонтъ, гора святая,

Не знаю я твоихъ красотъ:

Ни на тебѣ земного рая,

Ни подъ тобой шумящихъ водъ!..

Верста пять дѣлство, однообразно, если не считать небольших перегибовъ и перемены дѣлныхъ картинъ, но вотъ въѣвъ за дѣлшкоть обнаруживши темными борями промелькнулъ Пеленский поветь — привлекающийъ къ себѣ богомоланцевъ чутливой икрой Б. М.

Землякъ дѣловой обобщаетъ насъ со своими слѣдками и скрываетъ вѣли.

При торожаннѣ деревнишка *Копоринское* замѣчаетъ панаго дѣль—однигъ динь чертъ, намазаванныи на шери одного изъ зомовъ... виновать, это—дѣль, почему-то съ человѣческимъ лицомъ, сухосарти, стоящій на лабахъ и хлоницинъ въ лапши.

Холодные пеунотые пустыри. Деревнишка. Правѣе ея каменистое озеранко, за бездѣлностью похожее на дужу—вблизи его одинъ динь вереть. Цдутъ навстрѣчу нѣсколько диньотъ:

— Какъ навываестя озеро?

— Никакъ!.. А ты, дѣвонка, чѣмъ наввереть-то идешь?!

Скоро овить дѣль, долго здѣсь сидимъ и толкуемъ о продолженіи пути, рѣшамъ, что если въ Черной-Слоботѣ не случится вивончика, то нужно сдѣлать дневку—идти больше нѣтъ возможности!.. Навстрѣчу бѣжитъ кибитка, за ней слѣдомъ другая.

— Да вѣдь это нашъ дѣловой —Третьяковъ, поздравляется!

Масловъ, не ввиритъ. Но вотъ уже можно разобрать его озабоченное лицо, точно лицо кормчаго въ туманѣ!.. Слѣдомъ за нимъ вѣдетъ рядишкь:

— Ты что, Третьяковъ?

— А вотъ, по телефону приказали уряинку слѣдковъ вернуть!.. И скоро насъ догоню!..

Вносѣдствіи выясняется, что его слѣдки не „мужъ и жена“, а чужія другъ другу лица, сговорившіяся „бѣжать“, при чемъ она захватила непринадлежащія ей вещи, что и было причиной задержки.

Вотъ, что дѣлаетъ здѣсь телефоны.

Долго идѣмъ лѣсомъ—лѣсъ все порченый, скучный, если встрѣтятся большое дерево, то непременно осина, почва каменистая, овражистая, обработка ея въ будущемъ, по уничтоженіи лѣса, одна ли возможна.

Масловъ, дѣлая цыгарку, говорить о табакѣ:

— Вотъ на Валаамѣ строго насчетъ этого зелья—передъ входомъ въ монастырь обыскиваютъ!.. Былъ я какъ-то тамъ зимой: продать тамъ одному годовику табаку-то рубля на полтора!.. А стою однажды—знаешь, обѣдню, курить захотѣлось стрипно: вышелъ на берегъ къ пароходу—затянулъ!.. и вдругъ откуда ни возьмись—монахъ, ну, я началъ дѣлать выговоръ въ такомъ родѣ:

— Что ты дѣлаешь?! Вотъ ты черезъ это все и потерялъ—тебя и не одѣнуть теперь у насъ!.. Разъ свитыми отнами запрещено, такъ зачѣмъ же еще!.. и проч. въ этомъ духѣ.

Ну, вѣдь, съ кого чаютъ—того и величаютъ!—И его сталъ всячески молить, чтобъ простилъ. Наконецъ, говоритъ:

— Клади двадцать поклоновъ!

Я тутъ же на снѣгу и началъ бухать. Ну, и онъ молится.

Рычка Шима. Мостикъ, на немъ пастухъ!.. Какъ и всегда, на безлюдья есть обязанность покалякать; бѣгающія въ темной водѣ мальки, между прочимъ, дають тему о рыбахъ. Послѣ жалобъ на общее безрыбье пастухъ пояснилъ, что въ четырехъ перстахъ вправо дороги

ость, переизя Гора и озеро, въ которомъ сейчасъ ловится массы рыбы, особенно щука.

Идуемъ *Прокляныя*. Вблизи Слобода, но вотъ нагоняетъ опять Третьяковъ. Садимся въ его кончегъ, въ которомъ только что ликовали „мужъ и жена“.. Нашего колесникогонителя пугаетъ пресловутый Конескій волокъ, да не прочь и конесчку пажить, а поэтому предлагають намъ—хотя до „Ангельскаго моста“!.. А мы объ этомъ-то и думали.. Но сначала нужно лошадь покормить да чаю попить.

Когда подъѣзжаешь къ Черной-Слободѣ, дорога поворачиваетъ вправо, мѣстность принимаетъ форму двухъ гигантскихъ ступеней, върѣзанныхъ въ длинныхъ—тамъ вправо, на верхней ступени, темную рѣчку выстроился еловый лѣсъ, который простирается вдаль—ниже находимся мы, и обѣзжеть дорога, лѣвъѣ тянется глубочайшій обрывъ, на днѣ котораго мнится какая-то темная быстрьца, вся усыпанная каменными глыбами, видъ не нее, что называется—съ итичьаго полета; противоположный край этого громаднаго рва по высотѣ равняется напему и покрытъ мелкимъ непорочешнымъ лѣсомъ.

Пробѣжали маленькія поля—направо, деревянный храмъ—налѣво, и вступили въ селеніе, первая половина котораго тянется вдоль лѣваго берега рѣчки—самая крутизна котораго, по обыкновенію, украшена курными банями. Воротимъ влѣво—здѣсь двѣ татарскія лавки и, наконецъ, мостъ: селеніе перекидывается на другую сторону рѣчки и, оставивъ послѣднюю нѣсколько правѣ—образуетъ улицу; промелькнуло еще нѣсколько домовъ, лавка, и вотъ, наконецъ, остановка—внизу двухъ-этажнаго дома... Здѣсь содержится станція, и поэтому все напоминаетъ постоялый дворъ: въ угловой комнатѣ отдѣльно помѣстилась деревенская новадья съ чадами, а здѣсь деревенскій же тузъ-торговецъ и рядомъ съ нимъ старикъ и старуха съ слѣпой малолѣтней дочерью, на которую они плетутся куда-то собирать милостыню—еще нѣсколько ямщиковъ допоявляютъ разношерстное общество...

Потребовали неизбежный самоваръ, который нестерпимо долго грѣлся... Въ ожиданіи его выхожу на улицу, чтобъ хотя мелькомъ взглянуть на селеніе.

Черная-Слобода со всѣхъ сторонъ окружена лѣсомъ, рѣка, какъ и другія видѣнныя, богата камнями, вокругъ которыхъ суетится темная вода, постоянно мѣняясь и пропадая безъ вѣсти... Но вотъ вышелъ Масловъ, кинувъ пить чай, и мое обозрѣніе кончилось.

Хлебнувъ чая, садимся и ѣдемъ, встѣдъ за нами погнался возвращавшійся на свою станцію паренъ-ямщикъ, которому давалась за полтину старуха съ слѣпой дочерью, но онъ отказался, его маленькая лошадка оказалась болѣе прытка, жива и привычна къ здѣшнимъ сусукамъ и подъямамъ, и онъ скоро поѣхалъ впередъ...

Ѣдемъ лѣсомъ. Вотъ онъ, знаменитый *Ковескій волокъ*, имѣющій за собой такую дурную славу—особенно въ своемъ прошломъ: по обѣ стороны дороги частый лѣсъ—большую часть смѣсь лиственника съ хвойнымъ. вое-гдѣ поднимаются изсохшія руки отжившихъ осипъ, каменисто, холмисто, овражисто... Лѣсъ не то чтобы былъ очень матерый—такіе ли бывають лѣса!—но онъ хмуръ, дикъ, непривѣтливъ—какъ лицо разбѣника!.. Сколько онъ скрываетъ въ своихъ глубочайшихъ оврагахъ различныхъ таймъ?.. Третьяковъ и Масловъ передають другъ другу различныя ужасы, будто бы виданные здѣсь даже ими самими, выдвигавшій на сцену какія-то лица въ *сырыхъ подожкахъ*, которыя скрыва-

дней съ дороги въ Лѣсу, и вѣдѣ за этимъ тамъ, въ Лѣсу, раздавались отчаянные крики о помощи... а я, дескать, подавай Богъ ноги!.. Маслово, допоявши, разказывалъ, что и его здѣсь долго преслѣдовала какой-то пройдоха, намбривалась, вѣроятно, поживиться, но встрѣтившаяся-то кучка богомольцевъ помѣшала... Перенугалась, какъ мышь!..

— Да и вообще въ дорогѣ нарваться на худыхъ людей очень легко и неприятно—продолжаетъ Маслово, но особенно скверно зимой: Лѣтомъ отъ подозрительныхъ людей можно еще заблаговременно скрыться—перездаться, а зимой куда?.. Въ Лѣсу снѣгъ до груди, да по слѣдамъ тебя и найдутъ... и онъ въ доказательство опять привелъ случай изъ своей жизни.

Но меня интересуютъ болѣе кукушки, нежели эти полные *д. ж. оловъ* разказы: эти птицы здѣсь разсаживаются прямо на телеграфной проволоцѣ рядами—какъ ласточки... Просто смѣшно и не вѣрится—да она ли это та неуловимая птица-невидимка? По вотъ, птица, зорко слѣдя за нами, вытягиваетъ шею, и точно въ доказательство громко отчеканиваетъ:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку!

И затѣмъ, оберегая себя, недовѣрчиво улетаетъ впередъ, гдѣ опять садясь на проволоку, старается въ насъ что-то доглядѣть.

Но въ концѣ-концовъ и кукушки и ку-ку—навостить скуку!

Вотъ возлѣ дороги направо глубочайшій оврагъ, на днѣ котораго ледная, какъ смола—вода:

— Въ этой ямѣ человекъ по пяти находили!—авторитетно заявляетъ Маслово.—прежде эта яма была сухая, но не такъ давно провели въ нее воду...

У Третьякова отъ этихъ разказовъ Маслово мурашки бѣгаютъ по спинѣ, и онъ очень радъ, что *насъ трое!*.. а Маслово не скунилелъ и все продолжалъ въ томъ же родѣ...

Начался большой подъемъ, передняя лошаденка, пользуясь пока-тостью, уже мчалась что есть мочи подъ гору, разбудивъ уснувшаго на телѣгѣ парня, котораго подбрасывало кверху, а мы еще подымались, но вотъ та же судьба понесла и насъ также нещадно внизъ, и хотя мы были въ тарантасѣ, но все-таки мнѣ казалось, что отъ толчковъ моя душа выскочить вонъ—какъ пробка изъ сороковки подъ ударами о могучую мужицкую „долонь“!

И такихъ переваловъ здѣсь довольно.

Вотъ палѣво высокой холмъ, съ обѣихъ сторонъ котораго по телефонному столбу—на вершинѣ холма можно легко перешагнуть проволоку.

— Особенно худо, когда лошадь останавливается, задерживается при спускѣ съ горы—пояснять шагъ колесницегонитель—такая лошадь легко можетъ ногу сломить.

А самъ, въ противорѣчье этому замѣчанію, все-таки сдерживалъ лошадь подъ уздцы—да иначе было бы и рискованно при спускѣ съ одного крутого холма.

Вправо промелькнуло небольшое озерко, тѣсно окруженное темными елями. По словамъ Маслово, за нимъ есть еще другое, котораго, однако, за лѣсомъ не видно.

Было уже поздно, заря покрылась облаками, деревья въ сумеркахъ приняли какія-то странныя формы, какъ на картинѣ какого-либо декадента—т. е. упадочника...

По вѣтъ дѣсь разступается... Деревнишка *Ижма* здѣсь будемъ поочевать... Вокругъ одной избы около десятка лошадей и различнаго рода повозокъ, къ которымъ присоединилась и наша. Внутри избы почти темно, движутся и торчатъ силузаты людей, которыхъ не разобрать; хозяйка, чтобъ не упустить дохода, несмотря на поздній часъ, навѣдала самошаръ: хлопоча то тутъ, то тамъ, эта атаманъ-баба веселу подчеркивала свою мужиковатость, хладнокровіе, свычку съ людьми, умѣнье быстро обобщаться, а также желаніе, чтобъ ее знали—какова-де она есть!

Почлегъ прескверный... Опять, какъ въ пустыньѣ—большой уголь, сумка поди головой и ланка поди бокомъ, но здѣсь клоны сдѣлали свою почую вылазку въ такомъ количествѣ, что и вскочили въ ужасѣ отъ такой рати превеликой—къ тому же пробирала дрожка... Пережѣнивъ мѣсто, возлегъ на узкую печь, гдѣ и держался всю ночь—болезъ вздремнуть—въ постоянномъ страхѣ свалиться внизъ.

Рано утромъ, заплативъ за все удовольствіе, трогаемся въ путь. Направо зѣра золотила Ковское озеро, которое было тихо и дышало паромъ. Оно, какъ мнѣ кажется на глазомѣрь—около пяти верстъ въ длину и шухъ-трехъ въ ширину, но очень глубокое. Съ давнихъ поръ оно славилось изобиліемъ рыбы, и все проходже и прѣзжике считали необхоимостью остановиться въ какой-либо изъ прибрежныхъ деревень и обзѣдать свѣжей ухи... Но теперь уже далеко не то: судаки и ази во время нашего прѣзда цѣпились 10 к. ф. на мѣсть, та и достать ихъ было негдѣ, т. к. рыба не ловилась совершенно во причинѣ, будто бы худой погоды—и только на рѣдкаго счастливца попадаю по нѣсколько штукъ... Рыба здѣсь имѣеть широкій сбытъ, преимущественно вверхъ и внизъ по канавѣ, а также въ Бадюгахъ.

Ѣдемъ по отлогому песчаному берегу—вблизи воды, правѣ дѣсь: противоположный берегъ озера мѣстами высокъ, крутъ, единстаго цвѣта. Летаютъ утки. Вокругъ насъ порхаютъ кукушки. Въѣзжаемъ въ полевою улицу. Берегъ, образуя мысъ, уходитъ вправо—гдѣ бѣгутъ храмы погоста.

Деревня: у одного изъ домовъ, точно въ руку вчерашнихъ разговорахъ, видимъ—лежить трунѣ дрялаго мужика, онъ огороженъ жердями и съ головы наполошину покрытъ рогожей, поверхъ которой положена большая плаха—чтобъ не дувало вѣтромъ... Но мужикъ, будто бы, принадлежный и умеръ скоропостижно...

Еще крохотная деревня, и мы опять въ суровомъ лѣсу; но обнимъ сторонамъ потянулась та же лѣсная чаща, холмы, овраги и переставшая удивлять кукушки—эта картина тянется верстъ двадцать.

Скоро Бадюги или болѣе извѣстный чрезканальный Аннинскій мостъ—въ просторѣчій—Аннинскій или чаще—*Ангельскій!*

Лѣсъ подходитъ къ самой канавѣ, поэтому видъ на селеніе открывается сразу—неожиданно.

Вотъ оно!.. Сначала свѣтлая полоса поперекъ нашей дороги, на ней красивые пароходы, ялбозы и различныя приканавныя мелочи—а за этой полосой постройки, на здѣшней сторонѣ находится только каменный храмикъ съ жестяными главами и должно быть, причтовое помѣ... Лошадь боязливо перешла „ангельскій“ мостъ—и мы на другой сторонѣ.

Бадюжскій погостъ съ вѣшней стороны—это какой-то маленький обрывокъ города: есть довольно хорошіе дома, порядочныя лавки, лѣ-

столько печальныхъ чапныхъ, а вдоль берега ларьки съ различными бродячпотребностями—вокругъ которыхъ толпится, жусть и облизывается приканавный людъ. Худое и хорошее вмѣстѣ, но того и другого немного.

Такъ какъ сегодня еще не пили чая, то первымъ нашимъ стремленіемъ было забраться въ чапную.

Чапная въ маленькомъ домикѣ: внизу производится отпускъ кичага и прочаго, а нить отираются вверхъ, гдѣ есть особый пригворъ Соломоновъ—гнѣто врозѣ чердака, откуда для удовольствія открывается еще видъ на каналу... Содержатель выпекаетъ хорошиі бѣлый хлѣбъ и вообще имѣеть все, чѣмъ можно удовлетворить печабалованныя потребности простаго люда—какъ-то: рыбные и др. пироги, различные селедки, лимоны и проч... Только относительно лимоновъ Масловъ провѣдалъ такую подробность:

— Старшая дочь хозяина вылавливала изъ помоевъ бывшіе въ употребленіи неразбитые кружки лимона, которые складывала обратно на блюдечко.

Значить, рачительна относительно отцовскихъ доходов!

Здѣсь только два стола: за однимъ мы, за другимъ—шальная компанія изъ двухъ мужиковъ и пожлой бабы: всё они получили расчетъ за конную тягу и поэтому шривали—шеть спорный дѣлежъ какихъ-то денегъ... Скоро они ушли съ намѣреніемъ купить еще вина и ѣхать домой.

Послѣ чая идемъ посмотрѣть новыя мѣста.

Раковъ въ приканальной рѣчкѣ не оказалось, Масловъ показывалъ мѣсто, гдѣ ихъ ловилъ.

— Вотъ идетъ мужикъ—спросимъ!

— Раки водятся?

— Года четыре какъ ихъ нѣтъ!

— Да и четыре-то года назадъ здѣсь ихъ и ловилъ!—поправляетъ Масловъ.

— Мы и сами ловили, да теперь нѣтъ ни одного!

— Тьфу!.. А хотѣлось поглядѣть.

Отираваемся впередъ „нѣню“. Ямщикъ, оставшійся еще здѣсь, хлопочетъ о снѣгѣ.

Отсюда начинается полоса, населенная змѣями-гадоками, а кой гдѣ и мѣдяками.

Взглядываю назадъ на проѣханный путь—тамъ щетинятся мрачныя лѣсные холмы.

Каналь остается позади, онъ убѣгаетъ далеко вправо, и только тамъ поворачиваетъ и идетъ по направленію нашей дороги.

Опять лѣсъ, дорога—плотная бѣлая глина: мѣстами широкія „палы“ открываютъ строеніе земной поверхности—то все холмы и овраги... мрачно выглядить тонкая лѣсная чаща, подпаленная огнемъ.

Но вотъ картина мѣняется: маленькая деревня Конецъ на низкомъ сыромъ мѣстѣ. За нею направо озеро, въ которомъ баба пощеть бѣлье.

— Какъ зовется озеро?

— Никакъ.

Опять лѣсъ. Здѣсь насъ обгоняетъ шальная компанія изъ двухъ мужиковъ и бабы—видѣнная въ Гадобахъ, при нихъ нѣсколько каменныхъ лошадей.

Дорога пересѣкаетъ ложе бывшаго канала—форма котораго прекрасно сохранилась—дно сухо. Наполняетъ Третьяковъ, съ которымъ нѣсколько времени подѣзжаемъ.

Дорожное полотно здѣсь составляетъ мелкій почвенный песокъ. Мягкій и подвижный, какъ крупчатка, въ него легко вдавливаются ноги, и остаются слѣды. Этотъ песокъ замедляетъ шаги, но зато ноги набиваются меньше, чѣмъ на твердой дорогѣ; такая почва типется плотно въ Витерры.

Отдалились отъ Бадогъ 10 верстъ. Идемъ прекраснымъ боромъ, по ровной и пышной песчаной дорогѣ—въѣво, блиско за соснами, блеснула вода.

Сухой сосновый боръ и рядомъ вода—сосѣдство не очень частое! Озера въ долинахъ большею частью бываютъ окружены лиственничнымъ лѣсомъ.—ну, слями!.. а если и встречается сосна, то всегда съ какою-либо оговоркою, притомъ на мягкой, мшистой или болотистой почвѣ—а здѣсь подлинный боръ! Лиственный лѣсъ хотя есть, но тамъ—на другомъ болѣе низкомъ берегу проглянувашаго озера.

Это Маткозеро!.. Озеро веселое, какъ счастье!

Но чтобы спуститься къ его заскающимъ и либующимъ водамъ требуется трудъ непосильный усталому—въѣзешь, какъ въ ловушку: обрывъ берега очень глубокъ и такъ крутъ, что спускаться внизъ можно, только держась за растущія на его крутизнѣ сосны. Между дорогой и берегомъ типется полоса смолстыхъ сосенъ—сквозь чащу которыхъ красиво искрится вода... Хочется, чтобы эти сосны остались навсегда неприкосновенными.

Длина озера, кажется, около двухъ верстъ, и ширина около одной съ небольшимъ, на одномъ изъ береговъ стоитъ шитый тесомъ зеленоватый домикъ—лѣсная контора, но хотѣлось бы видѣть что либо иное, болѣе отвлеченное и гармонирующее съ восторгомъ озера—въѣдъ, мѣстность совершенно дачная, притомъ въ старину поблизости существовала пустыня.

Маленькая деревня—чистенькія небольшія построчки. Справа виднѣтъ каналъ и узкій мысъ рѣки, называемый здѣсь „коровій языкъ“. Здѣсь три Рубежа—нижній, средний и верхній, между ними большіе пробѣлы.

Рубежскій погостъ. На первый взглядъ съ вѣшной стороны онъ представляетъ изъ себя какой-то клочекъ земли обѣтованной—хотѣлось бы въ немъ остановиться на болѣе долгій срокъ—онъ зеленъ, прекрасенъ, какъ весенняя греза... Вотъ вдоль улицы типется по правую руку чудная березовая роща, внутри ея подъ пышными зелеными навѣсами тѣнисто и прохладно, чаща ровныхъ, бѣлыхъ, березовыхъ стволовъ опекаемыхъ солнцемъ, живо видѣляется своей бѣлизной на фонѣ цѣрящей въ глубинѣ ихъ таинственной тѣнл... Вхожу въ эту чащу, окунаюсь въ эту тѣнь...

Всѣдка?—Нѣтъ—часовенка!.. Далѣе за рощей впадина стараго канала, на днѣ котораго журчитъ вода, за каналомъ поросшій мхомъ памятникъ вродѣ обелеска, имѣющій отношеніе къ постройкѣ этой канавы... Возвращаюсь на дорогу, тамъ впереди, на лѣвой рукѣ, опять такая же прекрасная березовая роща, но въ оградѣ—осѣняющая два бѣлыхъ деревянныхъ храма и группы разнообразныхъ могильныхъ крестовъ и памятниконъ; хорошенькіе домики, прекрасное зданіе больницы роклаютъ бодрое, свѣтлое впечатлѣніе. По погостъ тихъ, какъ без-

мятежныи сось - мирныи и радужныи: не слышно въ рощахъ зычного смѣха, не вторитъ балаганка зауценной пѣсни, некому ихъ навѣстить, собрать спялющіяся грѣзы, дохнуть ароматомъ - и только ласкающія плесеть листья да чирикающіе птички, и то какъ то подъ сурдинку, минутами чуть-чуть нарушаютъ молчаніе.

Въ концѣ погоста, по средній улицѣ, нѣсколько звуковъыхъ лошадей: животныя перенутились въ цивилизованныя ихъ перекладахъ и мирно стоятъ въ кругу; около двуколки стнугая тѣми же перекладами безъ чувствъ виситъ на воздухѣ иваная баба, она изъ переклада чуть не обхватила ей горла.

Баба оказалась та самая, которую мы вѣтъи въ Балаганѣ.

Видъ ея, какъ видъ мертвеца... подъ погами остановившихся животныихъ ея узелокъ съ пирогами и восемью рублями денегъ. Топарищъ бабы—музыкь, въ такомъ же состояніи лежить у бакалейной лавки.

Направо, въ широкой ложбинѣ, за каналомъ красуются поселочныи тесомъ крашенные дома распложились на холмахъ: тутъ лѣсопильный заводъ Ренольда—видны гуляющія лица.

Дальѣ по каналу небольшія скромныя картинки, напр: гореть темныхъ избъ на возвышеніи, при нихъ мрачный клочекъ соснового боря—кладбище... и проч., затѣмъ опять лѣсъ, песокъ и перевалы черезъ холмы.

Нижній-Рубежь. Мостъ черезъ каналъ: дорога перешла направо, каналъ лѣвѣво.

Лѣсъ. Случайъ песокъ подъ погами. Маслово пояснить, что онъ здѣсь прямо на дорогѣ встрѣчалъ въ жаркое время змѣй.

Высокій подъемъ на гору и—о, бѣда—спускъ внизъ: ноги совѣтъ не выносятъ спусковъ, когда вся тяжесть ложится на пяты. Въ сторонѣ канавы, за лѣсомъ то и дѣло свистять парходы, слышатся различныи звуки съ заводовъ и выселковъ. Жалѣю, что не шли бечевникомъ... Картина лѣса все та же: непролазная чаща петолетаго лѣса и волнообразная поверхность земли.

Мостъ—журчить свѣтлый, широкий ручей—начало т. и. Благо-Ручья, это первая встрѣча родниковой воды по выходѣ изъ Каргополя—на протѣженіи почти двухсотъ верстѣ. У красивъ ручья множество черныхъ выжженныхъ круговъ, очевидно, путники любятъ здѣсь пить чай. Чтобъ отдохнуть, присоединяемся къ этому обыкновенію—и, передоживъ усталость, опять идемъ.

Деревня Бѣлый-Ручей—по названію того же ручья, посылающаго сюда свои воды; онъ здѣсь бѣжитъ опять поперекъ дороги—въ обратную сторону и также безукоризненно свѣтелъ и чистъ, но по ширинѣ напоминаетъ уже рѣчку—къ его чистымъ водамъ, какъ святаяи неба, подступила бѣлая карсенья... Противъ деревни, за лѣсомъ, у самаго канала находится картонный заводъ Гельборна.

Опять лѣсъ. Наконецъ, большой погостъ *Девятиныи*. Вдоль по улицѣ множество чисто городскихъ построекъ, тутъ же при дорогѣ памятникъ—бюстъ Царю-Освободителю. Два свѣтлыхъ хорошенькихъ храма... На кладбищѣ вмѣстѣ съ простыми крестами мраморныи памятники, на одномъ изъ послѣднихъ мѣстъ вѣздаясь въ память падився: „Баронъ Утгофъ“.

Лѣвѣво погостъ при каналѣ, отдѣльная группа хорошенькихъ ий, тамъ же лѣсопильный заводъ.

Каналъ здѣсь подошелъ близко, откосы его высоки, но по причинѣ холмистой мѣстности тамъ, дагдѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гребни откосовъ поднимаются въ высоту даже на нѣсколько сажень. Эти скалы во многихъ мѣстахъ по каналу украшены искусными фигурами, выложенными изъ камней, вѣдывающихъ къ замку и напоминающихъ какую-то мозаичную игру. Этими острыми украшениями щеголяетъ канавка и здѣсь противъ Десятинъ.

Двое прохожихъ жалуется, что не могутъ найти ночлега.

— За деньги-то не пускаютъ.

Богатые дома, украшая улицу, для бѣднаго прохожаго люда составляютъ ровно ничто, хотя бы они и не существовали. Безраздушіе люди, часто — ни роскошная природа, ни чудныя зданія не поселить путника.

Отдѣливаемъ квартиру. Здѣсь почти все занимаютъ на заводахъ, на которыхъ много есть и принялакъ людей. Хозяинъ нашей квартиры получаетъ 25 р. въ мѣсяць, его сынъ 19 р.—при крестьянскомъ хозяйствѣ поленорье, кажется, хорошее, но въ дѣйствительности ничего особеннаго у нихъ не видно, да и изба неважная... Содержаніе здѣсь дорого, даже такой дешевый въ деревнѣ продуктъ, какъ молоко—6 коп. крынка, не говори о яицахъ и прочемъ... Здѣсь пьютъ кофе—хотя начало кофейной рѣчки осталось, кажется, еще далеко за Бадогами.

Одѣваться любятъ близко къ городскому—или какъ мнѣ говорилъ одинъ ньяинъ исець—„аитикъ-мора“!

Многія женщины здѣсь также занимаютъ на заводахъ, а поэтому среди нихъ вѣрѣдко можно встрѣтить лицъ и съ „благородной кровью“, т. е. съ хлостью, блѣдностью, нервною, истеричностью въ голосѣ и проч. прелестями.

Начиная съ Ухотскаго погоста, вдоль по тракту среди крестьянъ замѣчается нѣкоторая особенность въ разговорной рѣчи сравнительно съ крестьянами ближайшихъ къ Каргополо волостей—наприм., каргопольское *се*, здѣсь произносится *ёте*!

— Молоко, тетя, есть?

— Ёте!

Панозливаетъ церковнославянскій языкъ. Перѣлко это *дѣте* замѣняется отрывочнымъ *е*!

Копируя это *е*, я какъ-то спросилъ у мужика:

— Собака *е*?

— Была, да вся вышла!

Значитъ, понялъ.

Наша хозяйка, которую можно также причислить къ очень чувствительнымъ барометрамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, выкрикивая своимъ истеричнымъ голосомъ—съ приххотами, показала еще нѣсколько вариаций въ особенностяхъ дѣшннго говора:

— Ой, Васыка, я тебя *далья* въ повой-то блюзкъ и ни узнала!. Хы-хы!. Не много *сыновъ* да и въ *тыя* заблудилась!

А Васыка—говоря, перемѣняя тему—парень лѣтъ около тринадцати, началъ намъ объяснять, что верстахъ въ десяти отсюда есть озеро, куда ходятъ удить рыбу, и что сегодня онъ ходилъ версты за три, но ничего не принесъ... Наконецъ, объявивъ матери, что онъ идетъ къ Николахѣ „курнуть“—скрылся.

Въ это же время вошла въ избу особа женскаго пола съ чувствими, еще болѣе тончайшими, нежели у нашей хозяйки—маленькая,

ухаивкаи, съ острымъ краснымъ пощомъ и куринымъ крикомъ въ горѣ: вся ея фигура напоминала какую-то маленькую пичугу: дѣла ея прихода—занять пару свичекъ, но такъ какъ она оказалась особа говорливая и тѣдуншная, то претварительно самой сути дѣла похвалялась своей рѣшимостью въ общенныхъ какой-то собѣдкѣ, затѣмъ затронула вопросъ о разошедшемся вѣдрѣ и, наконецъ, проболталась о *„собѣдкѣ прѣлестѣ“*—мѣстѣ, известномъ въ старину грабежами, пещиническое дѣйствіе котораго на прохожихъ, однако, не вышло, и теперь. Завтра по нему нашу путь!

— Да у меня въ воскресенье на этомъ мѣстѣ—прерывають хозяйка—и чай и сахаръ отняли, да и я то молчу! Тутъ ужь свои воры! Грабятъ больше по воскресеньямъ молодые ребята, когда свободны отъ работы... Не хватить на водку—вотъ и пойдутъ!

Значить, потомки поддерживаютъ славу преткова относительно пресловутаго мѣста.

Ночь. Часа въ три утра подымаемся и, предпочитая паштеться чаю на воздухѣ, отправляемся прямо въ путь, даже не умывшись.

Девятини остаются позади, еще маленькая деревнишка, и вновь дѣсь, на опушкѣ котораго по крутому уклону бѣжитъ бурливый ручей, съ его дна подымаются торчатъ на поверхности воды каменные глыбы... Свѣсну омыться береговой водой... Вдоль рѣчки идетъ съ удочкой мужикъ:

— Удись?

— Да.

— Какую?

— Харьбосовъ.

— Каково?

— Да сегодня то ничего.

Вспомнилось мнѣ тутъ такое же самоотверженное раннее вставанье—тамъ дома, уженье, и вдругъ—сегодня-то ничего!..

Пашившись здѣсь чаю, стремимся впередъ, дорога скоро минула дѣсь и, выйдя къ каналу, пошла съ нимъ рядомъ. Самая веселая часть пути: холмы здѣсь вырастаютъ въ земляниа горы и тянутся непрерывно вдоль дороги и канала—покрытые болышею частью мелкою сосной... Вотъ одинъ изъ холмовъ даже помѣстился и по лѣвую сторону дороги, образовавъ ущелье, на его вершинѣ влочець сосенъ; издалека это какой-то громадный глиняный кулакъ съ зажатымъ пучкомъ темныхъ сосенъ; часто пересѣкають дорогу рѣчки, ручьи съ неизбежными мостиками, нѣкоторые изъ нихъ засорены и еле тянутся... Здѣсь что ни шагъ, то новое: въ каждомъ встрѣчающемся селеніи непрерывно чисто барскій домъ, въ селенія на склонахъ горы и часто чередуются съ горами... Противоволожний берегъ—за канавою—также высокъ, но сравненно менѣ застроенъ, дѣлеть, холмистъ, вдаль видѣются кой гдѣ деревни: маленькія, обработанныя, рощица подосы на вершинахъ холмовъ—по причинѣ песчаной почвы—кажутся кусками разостланнаго желтаго сукна... Если взглянуть вдоль канала, то протъ глазами, точно какая-то фантазія—такая здѣсь нестрадь отъ сбора разнородныхъ предметовъ: тутъ и раскрашенные прилавники будки, напоминающія своей величиной и формой улы—и суа, и парходы, и фонарные столбы, и желтые пески, и зелень дѣсовъ, и бѣлѣющій храмъ, и коричневая часовня, а на высокихъ гребняхъ канавныхъ откосовъ вы-

чурныя мозаичныя фигуры изъ разноцвѣтныхъ камней выскладать и солнцѣ какою-то иллюминаціей.

Въ одномъ изъ придорожныхъ храмовъ звонять къ заутрени. Вотъ деревня Ребово, 8 верстѣ отъ Деветицы, на краю ея высокій двухъэтажный раскрашенный домъ—совершенно рядомъ съ высотой этого дома споритъ крутая гора, превосходя его по высотѣ, нѣкоторыя ея части, лишенные дерева, показываютъ, что она состоитъ изъ песчаника; дорога здѣсь оказывается опять межъ холмовъ, какъ бы въ ущельѣ, мѣстами промежъ холмовъ-горъ проходятъ глубокія впадины, горы покрыты частымъ мелкимъ лѣсомъ—это и есть знаменитые „Собачьи-пролазы“.

Грابتъ здѣсь, дѣйствительно, удобно. Съ трудомъ цѣпляясь за растущія сосны, азбираюсь на одну изъ горъ, чтобъ оглядѣть мѣстность, но такъ, изъ горъ, чуть подалѣе—манитъ еще большая высота, а за этой болыней высотой красуется и еще болѣе высшая точка!..

Съ трудомъ слѣзая ширѣ. По дорогѣ встрѣчаются на двухколесныхъ тележкахъ мужики, бабы или мальчички—гонимыя лошадей на тягу или съ тяги, а попробуйте предложить понути подвезти за плату.—здѣсь такъ избалованы наживой, что остаются глухи и нѣмы.

Здѣсь въ каналъ впадаетъ рѣчка—разливаясь туда и сюда. Въ ея разливъ впадаетъ низкій мысъ въ формѣ подошвы, земля на немъ вся цѣликомъ разработана—высоць до воды, тщательно распланированы гряды—представляя видъ какого-то изота на водѣ, кажется, вотъ они тронутся и поплывутъ эти гряды!.. За этимъ мысомъ заводъ какого-то иррачнаго—не то шведскаго, не то нѣмецкаго типа.

Пронускаю мелочн... Холмы отошли, прекратились, разступились вправо и влѣво. Долина. Каналъ уклонился отъ дороги влѣво. Вытегорскій погостъ съ знаменитой двадцатиподноглавой церковью—гора главъ! Зодчій, точно подражая здѣшнимъ горамъ, лѣпилъ высоту на высоту. Особеннаго впечатлѣнія на меня этотъ храмъ не произвелъ—въроитно, потому, что я его нѣсколько разъ видѣлъ на рисункѣ. Ихъ здѣсь два, отдѣльно толстая колокольня—за нею часовня. Сегодня воскресенье, и я наиравался было пойти въ храмъ—заглянуть, но оказалось, что службы нѣтъ.

— Почему?

— Починяется колокольня, сняты перила—нельзя звонить! Далеко въ полѣ, въ зеленой хвойной рошѣ раздается благовѣсть. Обѣдня сегодня на кладбищѣ. Туда толпами идутъ люди.

Вытегорскій погостъ большой, есть чисто городскія постройки.

Впередъ...

На лѣвой сторонѣ дороги усадьба покойнаго богача Лопарева. За оградой садъ, въ которомъ тополи, липы, яблонн и много кедровъ: видны недѣйствующіе фонтаны. Хорошій домъ. Направо громадное же зданіе съ домовою церковью и училищемъ. Недалеко при каналѣ красочный заводъ—Лопарева же.

Лѣвѣе, за усадьбой, нестрѣютъ деревни.

Философъ Н. Докучаевъ-Басковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Землеустройство и сельское хозяйство.

Холмогорскій скотъ. Съ января 1914 года въѣздомъ главноуправляющаго землеустройства и земледѣлія предполагается приступить къ проведению широкихъ мѣропріятій по улучшенію холмогорскаго скота.

Какъ извѣстно, холмогорскій скотъ, благодаря отличившимся высокимъ качествамъ продуктивности и величины, въ послѣднее время мельчаетъ и вырождается, а скотоводство, какъ самостоятельный промыселъ мѣстнаго населенія, падаетъ. Между тѣмъ, сохраненіе въ этомъ районѣ крупнаго рогатаго скота играетъ видную роль, въ особенности въ экспортѣ въ столицы и на молочныя фермы. Вывозъ холмогорскаго скота имѣетъ свое историческое давнее.

По словамъ проф. Червинскаго, вывозъ скота съ низовьевъ Двины принялъ характеръ организованнаго промысла лишь въ сороковыхъ годахъ позапрошлаго столѣтія, при чемъ измѣнилась и сама цѣль этого вывоза: прежде скотъ пріобрѣтался въ качествѣ заводскаго на племя, теперь его покупаютъ исключительно, какъ молочный. Отсутствие точной регистраціи вывозимаго скота изъ предѣловъ губерніи не позволяетъ и теперь съ достаточною опредѣленностью установить степень развитія этого промысла. Весь скотъ, вывозимый по воднымъ путямъ къ различнымъ Вологодской губ., ускользаетъ отъ регистраціи. Главнымъ рынкомъ сбыта скота является Петербургъ и Москва. Скотъ, идущій въ столицы, имѣетъ назначеніе, главнымъ образомъ, удовлетворить городскихъ обывателей хорошими молочными коровами, и только та незначительная часть, которая отправляется въ другія мѣстности, пріобрѣтается въ хозяйство и на молочныя фермы для племенныхъ цѣлей. Закупаемыя на мѣстѣ коровы отправляются перекупщиками въ Петербургъ въ четыре опредѣленные срока, по мѣстному выраженію „походы“: успенскій, покровскій, рождественскій и пасохный. Слѣдуетъ отмѣтить, что условія сбыта скота для населенія, непосредственно его вырабатывающаго, въ высшей степени тягостны и ненормальны, благодаря сплоченности мѣстныхъ скунщиковъ и дѣленія ими между собой района холмогорскаго скотоводства на участки, въ предѣлахъ которыхъ каждый изъ нихъ является чуть ли не полнымъ хозяиномъ. Устраняя конкуренцію, скунщики являются строителями цѣпей на скотъ на мѣстахъ, неподатливаго продавца своей коровы могутъ карать и миловать.

Что качество скота падаетъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Не только жалоба скунщиковъ скота на увеличивающіеся съ каждымъ годомъ трудности производить подборъ годнаго въ „походы“ скота и увѣренія самихъ крестьянъ объ измельчаніи породы, но и очередныя выставки скота въ Холмогорахъ не опровергаютъ правильности этого мнѣнія. На указанныя выше мѣропріятія для улучшенія скотоводства архангельскимъ губернскимъ агрономомъ испрашивается у департамента земледѣлія на 1914 годъ 15.500 руб. Для завѣдыванія работами на мѣстахъ будутъ 2 инструктора по животноводству и 10 контрольных ассистентовъ.

Судоходство и водные пути сообщенія:

Устройство первой въ Россіи паротехнической лабораторіи. Дѣятельность министерства путей сообщенія въ дѣлѣ усовершенствованія внутреннихъ водныхъ сообщеній за послѣдніе годы значительно развивается. Пограничныягь закарчиваемыми и разрѣшенными къ постройкѣ работами, ведомство гнѣтельно подготавливаетъ проекты устройства водныхъ магистралей, имѣющіе цѣлью объединить и улучшить существующіе водные пути, позволивъ послѣднимъ, тѣмъ самымъ, оказать на торговое и промышленное развитіе страны все то благодѣтельное влияние, которое оказываетъ дешевый водный транспортъ. При устройствѣ русской сѣти водныхъ путей предстоить значительное развитіе разнаго рода работъ по устройству гаваней и затоновъ, землечерпанію, направленію и шлюзованію рѣкъ, прорытію искусственныхъ каналовъ и проч.

На завадѣ уже давно пришли къ мысли о необходимости предварительнаго испытанія проектируемыхъ гидротехническихъ сооружений въ особыхъ опытовыхъ учрежденіяхъ, результатомъ чего и явилось возникновеніе специальныхъ гидротехническихъ лабораторій, гдѣ воспроизводятся модели руселъ, въ которыхъ предполагается выстроить тѣ или шія гидротехническія сооружения, на моделяхъ послѣднихъ изучается дѣйствіе на нихъ рѣчного потока и выясняются такимъ путемъ условія рациональнаго ихъ проектированія. Эти лабораторіи принесли большую практическую пользу и въ настоящее время получили широкое примѣненіе въ особенности въ Германіи.

Для надлежащаго успѣха въ строительныхъ работахъ, министерство путей сообщенія также предполагаетъ устроить подобную гидротехническую лабораторію для наилучшаго проектированія русскихъ гидротехническихъ сооружений.

Въ проектируемой гидротехнической лабораторіи министерство путей сообщенія, прежде всего, предполагаетъ устроить опытовый лотокъ для изслѣдованія естественныхъ рѣчныхъ руселъ. Съ одной стороны, принимая во вниманіе при этомъ размѣры нашихъ русскихъ рѣкъ, съ другой же стороны, стремясь воспроизводить явленія въ такомъ размѣрѣ, чтобы данныя опытовъ можно было бы примѣнять непосредственно къ практикѣ, этому опытовому руслу, которое въ дальнѣйшемъ будетъ названо основнымъ, приданы значительно большіе размѣры, чѣмъ въ нашихъ существующихъ гидротехническихъ лабораторіяхъ. До настоящаго времени, обыкновенно, ограничивались металлическимъ лоткомъ шириною не болѣе 2 метровъ; наоборотъ, здѣсь предполагается устроить большое желѣзо-бетонное русло шириною 6 метровъ и длиною въ первоначальномъ устройствѣ до 50 метровъ, русло въ которомъ можно воспроизводить въ достаточно большемъ масштабѣ модели самыхъ крупныхъ русскихъ рѣкъ. Дальнѣйшей особенностью предложеннаго устройства является питаніе лотка водою. Въ проектируемой лабораторіи предполагается пользоваться значительно большими расходами воды, нѣсколько рѣзкѣ превосходящими тѣ расходы, которыми пользуются германскія лабораторіи, для этой цѣли необходимо устроить лабораторію у рѣки, расположивъ ее у какой-либо существующей или имѣющей быть построенной плотины и питая опытовые лотки непосредственно изъ пруда. На-ряду съ большимъ основнымъ лоткомъ предвидится устройство особаго небольшого подготовительнаго лотка. Используя опытъ

гидротехнических и гидравлических лабораторий, и в особенности эту сторону еще более дотоле и привасть ему также размеры и способность его таким количеством проточной воды, которая по возможности воспроизводит явления протекания жидкости через гидротехнические сооружения на крупном масштабе. В этом деле помимо исследования протекания воды через само гидротехническое сооружение, предположительно также и изучать крайне важную для практики область — взаимодействие искусственных гидротехнических сооружений на элементы свободного русла, т. е. явления размыва, перемывания наносов и т. п. имевшая место непосредственно за теми или иными гидротехническими сооружениями. В этом же деле предпологается изучить также крайне важный для России вопрос об устройстве и типах плотоходных плотин.

Помимо указанных задач, в деятельность лабораторий необходимо должны включаться систематически исследования на моделях судов, принимаемых на внутренних водных путях, а также работа на парижской и прохвирьской гидротехнических лабораторий. Тарификация таковых производилась по настоящему времени в опытовом морском бассейне; однако, в связи с широким развитием гидротехнических работ в России пользовались услугами названного бассейна является затруднительным, так как последний занят выполнением значительных поручений морского ведомства. В этих целях, в виде непосредственного продолжения гидротехнического дела, предпологается устройство особого длинного канала для испытаний вертушек и моделей судов. Устройство этого длинного канала предпологается, однако, вытеснить во вторую очередь, в настоящее время, ограничиваясь устройством основного и вспомогательного опытных плотин для исследования жидкости в естественных руслах и лишь головной части взорного плота, служащего для исследования гидротехнических сооружений.

Железнодорожные пути.

Расширение сети Мурманск железных дорог. Общество олонецкой жел. дор. приступило к осуществлению вопроса о расширении предприятия общества путем постройки новых линий. Первоначально при рассмотрении вопроса об образовании общества олонецкой жел. дор. признавалось, что на это общество должна быть возложена исключительно обязанность развить дорожную сеть на Север и Северо-Восток, к Ледовитому океану и Белому морю и связать Мурманск и Беломорское побережье с С.-Петербургом, создать постепенно в районе Крайнего Севера ряд так называемых «пионерских линий», предназначенных ожить богатый, но бездорожный и малонаселенный край. Сооружение этих одних северных линий представлять во мнѣнии о-ва олонецкой ж. дор., техническая и хозяйственная трудности, — обходятся весьма дорого, а потому и развитие сети олонецкой жел. дор. исключительно в северном направлении признается в настоящее время не обеспечивающим коммерческие интересы. Изучая вопрос о новом районе, через который должны были бы проходить новые линии олонецкой дороги, общество признало, что такими оказываются линии Тосна—Новки с ветвями к Бороничам и Гостиницкой, соору-

жение и эксплуатация которых должны послужить впоследствии развитію железнодорожных и магистральных линий Крайняго Севера. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, предстоящей весной общество олонецкой жед. дор. предполагаетъ произвести техническія обследованія для сооруженія линии Тосна—Повки и разработать затѣмъ проектъ самаго сооруженія.

Соединеніе Поволжья съ Сѣверной Двиной. 10—15 лѣтъ тому назадъ частныя лица поднимали вопросъ о соединеніи среднего Поволжья съ Сѣв. Двиной каналомъ, который бы долженъ связать Волжскій и Двинскій бассейны черезъ рѣки Ужгу (прит. Волги) и Югъ (прит. Сѣв. Двины) прямымъ воднымъ путемъ. Приблизительная длина воднаго пути отъ Волги (г. Юрьевецъ) до Двины (у Великаго Устюга) опредѣлялась по вычислениямъ около 1000 верстъ. Осуществленіе проекта имѣло государственное значеніе, но расходы по прорытію канала и улучшенію судоходныхъ условій Ужги и Юга требовали огромныхъ затратъ. Правительство, къ которому рискованно обратиться заинтересованныя въ сооруженіи воднаго пути „Волга—Двина“ лица, категорически отказалось прокладывать каналъ на средства казны, заявители же не имѣли нужныхъ средствъ, и вопросъ о соединеніи средней Волги съ Двиной быстро сошелъ со сцены, не вызвавши никакого вниманія печати и общества. Между тѣмъ, подобное соединеніе Сѣверо-Двинскаго бассейна для торгово-промышленной и экономической жизни нашего Сѣвера, съ одной стороны, и всего Поволжья съ тяготеющими къ нему районами—съ другой, имѣетъ исключительную важность. На Сѣверъ, изъ Поволжья направилась-бы ежегодно сотни милліоновъ хлѣбныхъ грузовъ, соли и керосина; обратное движеніе составилось бы, главнымъ образомъ, изъ лѣсныхъ матеріаловъ и соленой рыбы. Я привожу только названія „обязательныхъ“ грузовъ, которые должны идти по пути „Волга-Двина“; по грузообороту, конечно, не ограничится этимъ. На Сѣверъ пойдетъ буквально всякій грузъ отъ предметовъ комфорта до продуктовъ первой необходимости (напр., чай, сахаръ, бакалейный товаръ, мануфактура, машины и т. п.). Грузооборотъ Ужженско-Югской системы пришлось бы подсчитывать въ милліардахъ, такъ какъ теперь рѣка Ужга, имѣя мѣстное значеніе, пропускаетъ за навигацію разныхъ грузовъ до 300.000.000 п. По ужженскій бассейнъ пока обслуживаетъ интересы полмилліоннаго населенія края, дѣятельность же проектируемаго воднаго соединенія должна охватить весь Сѣверо-Двинскій бассейнъ съ такими крупными рѣками, какъ Югъ, Луза, часть рѣки Сухоны, Вычегда, Вага и С.-Двина до самаго взморья, т. е. весь Сѣверный Край. Но, несмотря на такія безусловныя доказательства выгоды и целесообразности соединенія средней Волги съ Двиной прямымъ воднымъ путемъ, проектъ былъ похороненъ и до сихъ поръ вновь не обсуждался.

Въ настоящее время мѣстныя общественныя организаціи края, въ лицѣ городскихъ, земскихъ самоуправленій и лѣсныхъ союзовъ возбуждаютъ коллективное ходатайство о соединеніи Сѣв.-Двины съ среднимъ Поволжьемъ... не только не воднымъ путемъ, а железнодорожнымъ. В.-Устюжское, никольское, колотривское, чухломское, галицкое и костремское городскія самоуправленія и земства, костремское губернское земство, котласское поселковое управленіе, ужженскій союзъ лѣсопромышленниковъ, парфентьевская городская дума и др. крайныя общія организаціи ходатайствуютъ передъ мин. пут.

сообщеніи о проложеніи желѣзно-торговой линіи: «Сивватія В. Устюжъ, Индальскъ, Кострома, Чулымъ, Галичь, Кострома» общимъ протяженіемъ 525 верстъ.

Сооруженіе этой дороги оживитъ огромныя дѣсныя края съ колоссальными лѣсными богатствами. Вблизи поезда, при пересѣченіи жезл. пути водными путями будутъ строиться заводы, возникнутъ поселенія: примѣромъ можетъ быть дер. Мантурово на Ужжѣ, которая съ проложеніемъ вологодско-вятской линіи обогатилась теперь крупными торговыми фирмами, 5 большими заводами и 2 фабриками, населеніе же въ 7—10 дѣтъ съ 30—50 жителей возросло до 1,000 человекъ. Развивающееся лѣсное дѣло, построенна заводы, вывозъ въ притокъ новаго населенія и поведетъ къ колонизаціи нашего Сѣвера. О недостаткѣ грузовъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ на первомъ участкѣ «Кострома-Колдовривъ» почти половина пути районъ дороги густо населенъ, и расходы по эксплуатаціи этого участка будутъ съ избыткомъ возмѣщаться только мѣтнымъ грузомъ и движеніемъ. Второй же участокъ пути, прорѣзывающій менѣе населенный районъ, дастъ обиліе лѣсныхъ грузовъ. Затѣмъ транзитное движеніе такъ значительно, что вопросъ о выгодности эксплуатаціи пути серьезно затанитъ не приходить.

Путь, въ виду его большого значенія, долженъ быть сооруженъ согласно требованіямъ «главной линіи», такъ какъ въ недалекомъ будущемъ необходимость заставить продолжить его на сѣверо-востокъ до Ухты. Съ «разгадкой» ухтинскаго района дорога пріобрѣтаетъ кардинальное значеніе, потому что нефть пойдетъ въ Москву, средніе торгово-промышленные и фабрично-заводскіе районы, какъ, напримѣръ, кинешемскій, шуйскій, владимірскій, перехтскій и др.: для волжскаго судоходства нефть также направится по проектируемой желѣзной дорогѣ.

Безъ преувеличенія слѣдуетъ сказать, что выдвигаемый 15 мѣстными общественными организациями желѣзнодорожный проектъ заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія со стороны правительства и долженъ быть въ интересахъ промышленности, торговли и населенія сѣверо-восточной части Россіи осуществленъ въ первую очередь.

При нашихъ порядкахъ, малоподвижности, рутинности—особенно въ дѣлѣ разрѣшенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, можно опасаться, какъ бы и этотъ проектъ не постигла участь перваго.

Разныя вѣсти.

Экономическое использование нашего Сѣвера. 14 января въ Москвѣ въ засѣданіи общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи проф. А. П. Воейковъ сдѣлалъ сообщеніе объ экономическомъ использовании нашего Сѣвера.

— На нашемъ Дальнемъ Сѣверѣ,—говоритъ докладчикъ,—остаются неиспользованными очень благоприятныя условія для молочнаго животноводства. Флора Архангельской губерніи мало чѣмъ отличается отъ флоры Московской губерніи, она даже богаче ея, такъ какъ тамъ встрѣчаются альпійскія растенія, но населеніе мало занимается молочнымъ хозяйствомъ, за исключеніемъ Холмогоръ, которые и дали лучшую породу рогатаго скота.

Большая часть нашего Сѣвера покрыта казенными лѣсами, представляющими слабую доходную статью.

Типами хозяйства, наиболее пригодныхъ для сѣвера, докладчикъ считаетъ молочное хозяйство и льноводство.

Для льноводства имѣется много пригодныхъ земель, и климатическія условія въ общемъ благоприятны. Докладчикъ беретъ минимальную цифру въ 25 милл. десятинъ, могущихъ поступить подъ сельскохозяйственную культуру.

При развитіи этой отрасли хозяйства губернія могла бы дать 75 миллионъ пудовъ льна.

Для развитія промышленности необходимо колонизировать Сѣверъ.

Прежде, наиряѣтъ, Сибирь славилась своимъ пушнымъ звѣремъ.—теперь, благодаря нераціональной охотѣ, пушной звѣрь почти истребленъ.

На Аляскѣ уже заняты искусственнымъ разведеніемъ пушного звѣря. Эта отрасль промышленности могла бы процвѣтать и у насъ на Сѣверѣ.

Отмѣтивъ дальне будущее Печоры и низовьевъ Оби и горныя богатства Сѣвернаго Урала, докладчикъ указалъ на необходимость желѣзной дороги отъ Нижней Оби къ Архангельску и морского пути къ устьямъ сибирскихъ рѣкъ.

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія.

Новый приборъ для излученія моремъ глубинъ. Проф. Пезнольскаго университета, Angelo de Casparis, изобрелъ какъ сообщаетъ „Unschar“, интересный оптический инструментъ, при помощи котораго получается возможность наблюдателю проникать взоромъ на большія глубины. Аппаратъ, посящій названіе „Thalassoskop“, состоитъ изъ трубки снабженной сильнымъ объективомъ, который укрѣпленъ на поплавкѣ. Погруженный въ воду на глубину въ полъ-метра, аппаратъ представляетъ сильно увеличенныя картины, притомъ достаточно освѣщенныя, такъ какъ поглощаемость лучей сведена въ аппаратѣ до минимума. Аппаратъ, дѣйствіе котораго уже испытано, развѣтываетъ поразительный по величю и разнообразію картины жизни моря на большихъ глубинахъ. Для біолога приборъ долженъ оказать незамѣнимыя услуги.